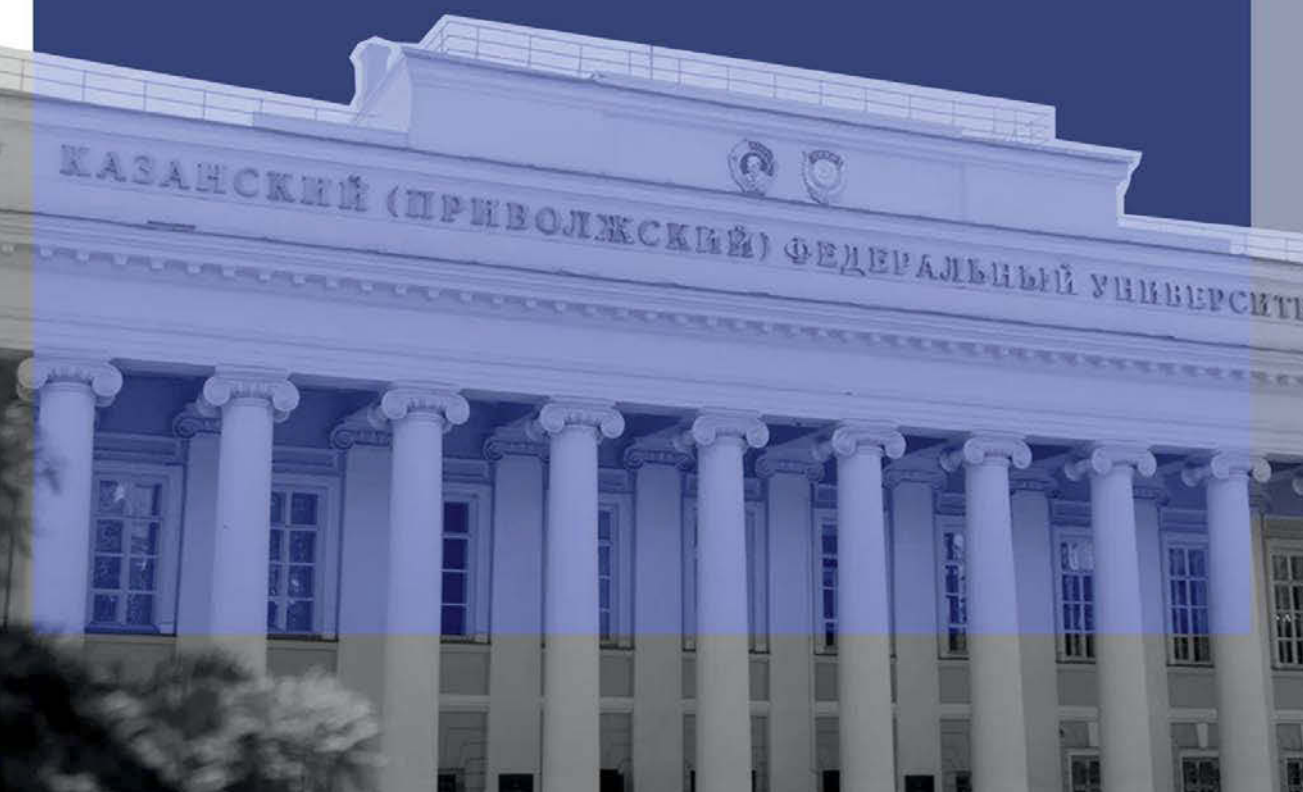

ISSN 2079-5912

№3 2025 (70)

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
THE KAZAN SOCIALLY-HUMANITARIAN BULLETIN

Социологические науки
Философские науки

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

ISSN 2079-5912

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал

2025, № 3 (70)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзарипов Рияз Гатауллинович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Российская Федерация, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Шамсутдинова Ильясия Ильдусовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, Российская Федерация, г. Казань

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ, г. Казань, РФ.

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политологических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Ректор Казанского института инновационного менеджмента и информатики. Почетный консул Франции в г. Казани. Академик Академии политической науки. г. Казань, РФ.

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. И.о. директора Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор. Декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, заведующий кафедрой государственного управления, истории, социологии КНИТУ КХТИ, г. Казань, РФ.

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. Г. Казань, РФ.

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:

А.И. Галиуллина

Адрес редакции: РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1606

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 3.10.2025. Дата выхода в свет 3.10.2025.

Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 5. Тираж 300 экз. Заказ № 5/10.

Отпечатано в типографии Издательства

Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37 тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Вьюгина М.А. Карьерные сценарии женщин в государственном и корпоративном управлении (на материалах эмпирического исследования)4

Рустамова Г.М. Репродуктивные установки молодёжи: анализ региональных исследований..... 11

Саттарова Л.В., Саттаров Т.А. Меры государственной поддержки семей с детьми: информированность и востребованность среди населения (на основе анкетного опроса) 20

ФИЛОСОФИЯ

Авдошин Г.В., Модин Р.В. (Иеромонах Роман (Модин))
Анагогическое назначение символа в свете языческого и христианского неоплатонизма..... 27

Агапов И.О. Смысл жизни и заполнение недостатков в системе ценностей..... 39

Воробьёв Р.Р., Краснов А.С. Эпистемология интеллекта: основания разграничения естественного и машинного мышления 46

Гизатова Г.К. Саморефлексия как способ существования национальной культуры..... 54

Горшенин М.Л. Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций 60

Лагутин М.В. Формирование современного научного поля: опыт синтетической биологии в контексте социологии ожиданий 67

Савельева А.Б. Становление личности западноевропейского революционера: социально-философский анализ 73

Федотов Д.Л., Краснов А.С. Диалектика несоизмеримости: социальная форма стоимости в эпоху цифрового капитализма и критика иллюзий постопераизма 80

CONTENTS

SOCIOLOGY

Viugina M.A. Women's career scenarios in state and corporate management (based on empirical research).....	4
Rustamova G.M. Reproductive attitudes of young people: analysis of regional studies	11
Sattarova L.V., Sattarov T.A. Measures of state support for families with children: awareness and demand among the population (based on a questionnaire survey)	20

PHILOSOPHY

Avdoshin G.V., Modin R.V. (Hieromonk Roman (Modin)). The anagogical purpose of the symbol in the light of pagan and Christian Neoplatonism.....	27
Agapov I.O. Meaning of life: filling gaps in value systems	39
Vorobev R.R., Krasnov A.S. Epistemology of intelligence: methodology of distinguishing natural and machine thinking	46
Gizatova G.K. Self-reflection as a way of existence of national culture	54
Gorshenin M.L. The Phenomenon of «Russian Toska» and Existential Angst: A Comparative Analysis of Conceptualizations	60
Lagutin M.V. Formation of the modern scientific field: the experience of synthetic biology in the context of the sociology of expectations.....	67
Savelyeva A.B. The Formation of the personality of a Western European Revolutionary: a socio-philosophical analysis	73
Fedotov D.L., Krasnov A.S. The dialectic of incommensurability: the social form of value in the era of digital capitalism and a critique of the illusions of post-operatism.....	80

УДК 316.346.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.4-10>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Карьерные сценарии женщин в государственном и корпоративном управлении (на материалах эмпирического исследования)

Вьюгина М.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Современная социальная реальность характеризуется расширением возможностей женщин занимать лидерские позиции, что оказывает позитивное воздействие на общество в целом. Можно утверждать, что происходящие сегодня процессы являются частью постепенной трансформации трудовых норм в сторону гендерного паритета. Эмпирические исследования свидетельствуют о значительном вкладе женщин-лидеров в повышение уровня коллективного взаимодействия, рост эффективности организаций, во внедрение механизмов справедливого распределения ресурсов и развитие принципов демократии внутри трудовых коллективов [1]. Однако несмотря на подтвержденные преимущества женского лидерства доминирующая позиция среди управленцев в российском государственном и корпоративном секторах находится в мужских руках. Кроме того, продолжают оставаться невидимые гендерные барьеры, сохраняющиеся вопреки позитивной динамике, что потребует дальнейших немалых усилий со стороны всех участников социального взаимодействия.

Ключевые слова: женщина-лидер, положение женщин, карьерные возможности, гендерный разрыв, гендерное неравенство, гендерные стереотипы, невидимые барьеры

Для цитирования: Вьюгина М.А. Карьерные сценарии женщин в государственном и корпоративном управлении (на материалах эмпирического исследования). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;3(70):4–10.

Women's career scenarios in state and corporate management (based on empirical research)

Viugina M.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The current social reality is characterized by the increasing opportunities for women to take on leadership positions, which has a positive impact on society as a whole. It can be argued that the current processes are part of a gradual transformation of labor norms towards gender parity. Empirical studies have shown that female leaders have made significant contributions

to improving collective collaboration, enhancing organizational efficiency, implementing fair resource allocation mechanisms and promoting democratic principles within workplaces. However, despite the proven benefits of female leadership, the dominant position among managers in the Russian public and corporate sectors remains in male hands. In addition, there are still invisible gender barriers that persist despite the positive dynamics, which will require further significant efforts from all participants in social interaction.

Keywords: female leader, women's position, career opportunities, gender gap, gender inequality, gender stereotypes, invisible barriers

For citation: Viugina M.A. Women's career scenarios in state and corporate management (based on empirical research). *The Kazan socially-humanitarian bulletin*. 2025;(3(70)):4–10. (In Russ.)

Введение

Современный глобальный дискурс социальной справедливости характеризуется реализацией инициатив, направленных на обеспечение равноправия и повышение уровня социальной инклюзии различных групп населения. Зарубежные организации вводят инновационные подходы, такие как использование анонимизированных процедур собеседования при трудоустройстве, позволяющие исключить дискриминацию кандидатов по признаку пола и происхождения. Россия также участвует в данных процессах, к примеру, посредством принятия Национальных стратегий действий в интересах женщин [2]. Основной целью данных документов является утверждение принципов справедливости и свободы для обоих полов, формирование условий для равной реализации экономических и политических амбиций, а также стимулирование роста личной автономии и профессиональной самодостаточности российских женщин.

Рассмотрим оценку положения женщин России согласно Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. На начало 2024 года население России составляло порядка 146,2 млн. жителей, причем численность женского населения была существенно выше – 78,2 млн. [3], формируя таким образом значительную долю общества страны, превосходящую половину всех ее граждан. Россий-

ский социум характеризуется высокой степенью квалификации и образованности, а также профессиональной активности женщин. Более половины граждан, обладающих дипломами вузов, представлены именно женскими кадрами. Треть малых и средних предприятий возглавляет женский менеджмент, особенно заметно их присутствие в предпринимательстве, связанном с оказанием образовательных и социальных услуг. Отмечается значительный вклад женщин в развитие институтов гражданского общества и политического устройства. Анализ состояния государственного управления за последние годы показывает положительную динамику роста доли женских кадров: женщин-государственных служащих, женщин-депутатов [4].

Для большинства российских женщин характерна полная занятость и совмещение рабочих функций с обязанностями по дому и заботой о детях. Они тратят на ведение домашнего хозяйства значительно больше времени, чем мужчины [5], что создает дополнительные сложности для гармоничного сочетания профессиональных и семейных ролей. Проблемой остается значительный разрыв в оплате труда – в среднем на 40% меньше заработок мужчин, что обусловлено двумя противоположными тенденциями: экономика страны испытывает дефицит профессиональных кадров, усугубившийся миграционным оттоком

молодых специалистов; формированию адекватных условий оплаты труда женщин препятствует ряд устойчивых общественных предрассудков относительно материнских обязанностей и способности эффективно справляться с возложенными трудовыми обязанностями [6].

Таким образом, стереотипность представлений о роли полов, традиционные семейные обязанности и высокие бытовые нагрузки являются факторами ограниченного экономического и карьерного потенциала российской женщины. Даже обладая высокими образовательными показателями и профессионально востребованными компетенциями, когорта женщин испытывает значительные институциональные ограничения. Несмотря на статистическую демонстрацию улучшения ситуации продолжает существовать диспропорция в представленности женщин на ключевых управленческих должностях в государственных и коммерческих структурах.

Обратимся к результатам проведенного автором статьи социологического исследования.

Методы

Эмпирической базой послужили данные анкетного опроса, проведенного в 2024 году, о карьерных возможностях женщин и мужчин в современных условиях. В общероссийском опросе приняли участие 806 респондентов: женщин – 58%, мужчин – 42%; состоящих в зарегистрированном браке 62%, холостых – 38%; являющихся родителями 62%, бездетными – 38%; трудящихся в государственном секторе 48%, в коммерческих организациях – 37%, самозанятых – 9% и представители других сфер – 6%.

Результаты и обсуждения

Результаты опроса сфокусированы на анализе гендерной дифференциации в субъективных оценках равен-

ства возможностей в сферах занятости и профессиональной реализации. Ключевая исследовательская задача заключалась в верификации степени уверенности респондентов в существовании паритетных условий для мужчин и женщин в следующих значимых аспектах трудовых отношений: доступ к высокооплачиваемым и престижным позициям на рынке труда; перспективы вертикальной карьерной мобильности; восприятие рабочего микроклимата, включая отношения руководства и коллег; уровень доверия к компетентности женщин-руководителей.

Эмпирические данные демонстрируют, что наиболее востребованными качествами, способствующими успешному продвижению сотрудника по служебной лестнице, являются коммуникабельность (11%), профессионализм (10%) и ответственность (9%). Далее идут стрессоустойчивость, целеустремленность, лидерские качества – по 8%; желание обучаться новому, образованность (интеллект), гибкость (адаптивность), уверенность в себе – по 7%; стратегическое мышление, инициативность – по 6%, харизматичность – 4%, эмпатия – 2%. Разбор ответов респондентов о равенстве возможностей успешного трудоустройства показал значительные различия во взглядах между представителями полов: большая доля мужчин (56%) склоняется к мнению, что женщины сталкиваются с препятствиями при поиске высокооплачиваемых вакансий. В противоположность этому, подавляющее большинство опрошенных женщин (75%) уверены в своей способности конкурировать на равных условиях с мужчинами.

Обозначим статистически значимую тенденцию восприятия участников опроса различий в управленческих стилях в зависимости от гендерной принадлежности руководителей – показатель составил 78%. Наиболее пространственные комментарии в откры-

тых вопросах относительно разницы в мужском и женском стилях управления были следующие: «женщины-руководители жесткие и бескомпромиссные. Характерны эмоциональные всплески», «женщины склонны к эмоциям», «женский стиль – на эмоциях, мужской – на логике», «мужчины стабильны», «мужчины логичны, последовательны и спокойны». Полученные данные указывают, что в контексте стремления к равенству возможностей авторитетность женского лидерства в социуме нуждается в дополнительных мерах поддержки и укреплении [7].

Мужчины значительно чаще (62%) утверждали, что у них больше карьерных перспектив, тогда как чуть более половины женщин (55%) придерживалась точки зрения о равных возможностях должностного роста для обоих полов. Лишь 1,5% женщин и 5% мужчин посчитали, что у женщин больше перспектив для роста внутри организаций. В то же время изучение ответов о реальных ситуациях, когда при назначении на позицию руководителя приоритет отдавался претенденту другого пола, показало отсутствие прямого личного опыта в данном контексте у преобладающего числа респондентов. Большинство мужчин (53%) убеждены, что женщины занимают преимущественно рядовые позиции в учреждениях, тогда как руководящие должности сосредоточены в мужских руках. Лишь 22% женщин разделяют данную точку зрения.

Полученные данные также указывают на констатацию 62% мужчин-респондентов существования практики игнорирования женских суждений при принятии ключевых решений. Это может свидетельствовать о латентном признании мужчинами институционального гендерного дисбаланса, что контрастирует с отсутствием единой позиции среди женщин касательно монополии мужского вердикта в корпоративных обсуждениях.

Оценивая дальнейшие ответы, обнаруживается заметная диспропорция: четверть респондентов-женщин имели опыт столкновения с сексуальными приставаниями, тогда как аналогичный показатель у мужчин составил лишь 11% (таблица 1). Подобное расхождение может свидетельствовать о существенных отличиях восприятия соответствующих ситуаций между полами.

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с харрасментом на рабочем месте?», в %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Да	3%	13%
Скорее да	8%	12%
Скорее нет	14%	16%
Нет	46%	54%
Затрудняюсь ответить	29%	5%

Кроме того, 29% респондентов мужского пола затруднились с ответом на данный вопрос, что выделяется на фоне 5% аналогичных ответов в женской аудитории. Отмеченное может интерпретироваться как дефицит осведомленности либо отрицание или минимизация, или нормализация таких поведенческих практик.

Определяя современные тенденции в сфере профессиональной самореализации, можно отметить изменение восприятия роли женщины-руководителя среди представителей различных полов. Большинство респондентов обеих групп отметили, что за последние 5-7 лет произошло существенное расширение перспектив для женского лидерства. Данные явления свидетельствуют о постепенной трансформации общественных установок относительно гендерного равенства и эмансипации. Особенно примечателен тот факт, что две трети женщин выражают уве-

ренность в увеличении собственных возможностей занять руководящие позиции по сравнению с предыдущими периодами. Такая динамика отражает трансформацию осознания женщинами собственной конкурентоспособности и потенциала, а также коррелирует с преодолением традиционных предрассудков, доминировавших ранее. Среди факторов, способствовавших данному сдвигу, можно выделить рост экономической независимости, развитие и реализация инициатив, направленных на поддержку женской карьеры, повышение уровня образования.

Тем не менее, женщины продолжают сталкиваться с серьезными препятствиями на пути собственного развития (рисунок 1): особенно ярко проявляется сложность совмещения материнства, семьи и карьеры (36%). Важными сдерживающими факторами также назвали культурный (патриархальные ценности) – 21% и региональный (национальные, религиозные устои) – 17%. Психологический (неуверенность в себе) и социальный (отсутствие социальных лифтов) аспекты подчеркнули 12% и 10% ответивших соответственно. Посчитали, что на пути женской карьеры нет никаких преград 4% опрошенных.

Изучая материнский опыт совмещения семейных обязанностей и стремления к карьерным успехам, фиксируется [8] распространенное явление, при котором женщины, имеющие детей, осознанно отказываются от возможностей служебного роста, понимая, что продвижение вверх по должностной лестнице неизбежно связано с вложением значительных временных ресурсов и увеличением рабочей нагрузки, затрудняющих выполнение родительских функций и поддержание домашнего хозяйства. Незначительная доля женщин (10%) придерживается стратегии интенсивного сосредоточения исключительно на построении карьеры, значительное число матерей (20%) отдают приоритет родительским обязательствам. Наибольшее количество работниц (70%) стремятся найти гармоничное совмещение семейной жизни и работы, сохраняя шаткое равновесие между ролями супруги, матери и профессионала. Это подчеркивает высокий уровень самоорганизации, стрессоустойчивости и многозадачности современной женщины с высокими карьерными амбициями.

Анализируя ответы относительно сложности совмещения работы и материнства, отметим, что преобладающая

Рисунок 1. Факторы, которые в наибольшей степени препятствуют продвижению женщин по карьерной лестнице

часть участников выразили сдержанное мнение относительно специфических мер социальной поддержки и стимулирования материнства со стороны работодателей. Наиболее распространенные ответы – формальное соблюдение законодательных требований (37%) и возможность работать из дома (17%). Отдельная большая группа респондентов (15%) в целом затруднились ответить на данный вопрос, что может означать вынужденную необходимость работающего родителя самостоятельно решать вопросы совмещения служебных обязанностей с уходом за ребенком. Подобная ситуация зачастую приводит к увеличению количества домашних дел и бытовых вопросов, что существенно повышает риск эмоционального истощения у женщины и ее профессионального выгорания. Гибкий график работы отметили 14% респондентов, дополнительные дни к отпуску – 5%, путевки в детский лагерь – 5%, дополнительное медицинское страхование – 4%, детский день (отгул) – 3%. В целом, руководство организаций не демонстрируют какого-либо интереса к внедрению у себя инициатив и передовых практик, направленных на поддержку сотрудниц, имеющих детей.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить выявление элементов феномена ассиметричной оптимизации: женщины склонны минимизировать свое восприятие гендерной сегрегации, а мужчины – гиперболизировать свои конкурентные преимущества.

В условиях законодательно закрепленного в Российской Федерации равенства полов, несмотря на позитивные изменения, женщины по-прежнему сталкиваются с невидимыми барьерами на пути карьерного и профессионального роста, препятствующими полному раскрытию имеющегося конкурентоспособного потенциала [9]. Работодателям, государственным системам и коммерческим организациям, следует разрабатывать адресные социальные программы, направленные на оптимизацию гендерного баланса в организационных структурах и расширение возможностей профессиональной самореализации женщин в общественно-политическом пространстве и социально-экономических областях.

Список литературы / References

1. Why the World needs more women in leadership. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbescoachescouncil/2022/09/12/why-the-world-needs-more-women-in-leadership/?sh=1ac82fdc1e2e>.

2. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.03.2017 № 410-р), Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4356-р).

National strategy for action in the interests of women for 2017-2022 (approved

by the order of the Government of the Russian Federation dated 08.03.2017 No. 410-r), National strategy for action in the interests of women for 2023-2030 (approved by the order of the Government of the Russian Federation dated 29.12.2022 No. 4356-r). (In Russ.)

3. Женщины и мужчины России. 2024: Статистический сборник / Росстат. М., 2024. 176 с.

Women and men of Russia. 2024: Statistical collection / Rosstat. Moscow, 2024. 176 p. (In Russ.)

4. Юшкина Н.А., Крыштановская О.В. Гендерное представительство и политический потенциал женщин в публичной политике. *Вестник Пермского универси-*

мета. *Философия. Психология. Социология*. 2023; (3):443–456.

Yushkina N.A., Kryshstanovskaya O.V. Gender representation and political potential of women in public policy. *Bulletin of Perm university. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2023; (3):443–456. (In Russ.)

5. Структура использования времени занятого населения. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/60436>

Time use structure of the employed population. EMISS. State statistics. URL: <https://fedstat.ru/indicator/60436>. (In Russ.)

6. Женское лидерство. Исследование Strategy Partners. 2023. URL: https://strategy.ru/media/uploads/2023/12/Женское_лидерство_Strategy_Partners.pdf?ysclid=mc94qskgj6306139220 (дата обращения 15.06.2025).

Women's leadership. Strategy Partners Research. 2023. URL: https://strategy.ru/media/uploads/2023/12/Women's_Leadership_Strategy_Partners.pdf?ysclid=mc94qskgj6306139220. (In Russ.)

7. Женщины – демократичные, мужчины – авторитарные. *Forbes Woman*. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/403457-zhenshchiny-demokratichnye-muzhchiny-avtoritarnye-pochemu-bolshinstvo-rossiyan>.

Women are democratic, and men are authoritarian. *Forbes Woman*. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/403457-zhenshchiny-demokratichnye-muzhchiny-avtoritarnye-pochemu-bolshinstvo-rossiyan>. (In Russ.)

8. Савинская О.Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013; (XVI (2 (67))):142–167.

Savinskaya O.B. «Work and family balance: strategies of combining professional and family duties by working mothers in Moscow». *Journal of sociology and social anthropology*. 2013. 2013; (XVI (2 (67))):142–167. (In Russ.)

9. Женщины-руководители демонстрируют высокую финансовую эффективность. *Finam*. 2020. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/zhenshiny-rukovoditeli-demonstriruyut-vysokuyu-finansovuyu-effektivnost-20200308-11000>.

Female executives demonstrate high financial efficiency. *Finam*. 2020. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/zhenshiny-rukovoditeli-demonstriruyut-vysokuyu-finansovuyu-effektivnost-20200308-11000> (In Russ.)

Информация об авторе

Вьюгина Мария Андреевна, аспирант, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии, e-mail: mariya.vyugina@tatar.ru

Information about author

Viugina Maria Andreevna, postgraduate student, assistant, Kazan (Volga) Federal University, Institute of social and philosophical sciences and mass communications, Department of general and ethnic sociology, e-mail: mariya.vyugina@tatar.ru

Поступила в редакцию 02.07.2025; принята к публикации 26.08.2025.
Received 02.07.2025; accepted 26.08.2025.

Научная статья

Research article

УДК 316.4

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.11-19>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Репродуктивные установки молодёжи: анализ региональных исследований

Рустамова Г.М.

*Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан,
420111, г. Казань, ул. Баумана, д.20, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлена картина репродуктивных установок социально-демографических категорий населения «молодёжь» и «студенческая молодёжь», по итогам анализа научных исследований, проведенных в разрезе восьми городов и регионов Российской Федерации в период за 2009-2024 годы.

Ключевые слова: молодёжь, студенческая молодёжь, репродуктивные установки, репродуктивные установки молодежи, репродуктивные установки студенческой молодёжи, региональные исследования

Для цитирования: Рустамова Г.М. Репродуктивные установки молодёжи: анализ региональных исследований. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;(3(70)):11-19.

Reproductive attitudes of young people: analysis of regional studies

Rustamova G.M.

*Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences,
420111, Kazan, Bauman str., 20, Russian Federation*

Abstract. The article presents a picture of the reproductive attitudes of the socio-demographic categories of the population "youth" and "student youth", based on the results of the analysis of scientific research conducted in the context of eight cities and regions of the Russian Federation in the period 2009-2024.

Keywords: youth, student youth, reproductive attitudes, reproductive attitudes of youth, reproductive attitudes of student youth, regional studies

For citation: Rustamova G.M. Reproductive attitudes of young people: analysis of regional studies. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin.* 2025;(3(70)):11-19. (In Russ.)

Введение

Современные реалии демографического положения России подтверждают необходимость систематических исследований репродуктивных установок населения и, в особенности, со-

циально-демографической категории «молодежь», согласно мнению учёных, как одного из ключевых носителей демографического потенциала [1, 2]. Как подчеркивают исследователи, актуальность изучения репродуктивных уста-

новок связана и с тем, что это одна из ключевых тем в совершенствовании механизма социального регулирования демографических процессов [3].

Результаты и обсуждения

Характеризуя демографическую ситуацию в Республике Татарстан в настоящее время, в первую очередь, обратимся к показателям брачности. Вступление в брак – это начало новой семьи, и как показывает демографическая наука, между брачностью и рождаемостью есть тесная корреляционная взаимосвязь [1, 2].

История исследования репродуктивных установок указывает, что данное понятие связано с понятием «социальные установки» [4, р. 28] и с научной дисциплиной «социальная

психология» [5]. Исследование репродуктивных установок в российской науке характеризуется отходом от психологизации в систему социологического знания [3]. Об этом свидетельствует и теоретическое осмысление понятия «репродуктивные установки» в различных научных областях, показывая достаточно схожие точки зрения, к примеру, в психологии и в социологии, где под репродуктивными установками понимают отношение/предрасположенность индивида/личности к рождению конкретного/определенного количества детей [6, 7].

Проведенный анализ ряда исследовательских работ позволил выявить основные зависимости репродуктивных установок от иных социальных процессов. (таблица 1.) [8].

Таблица 1
Анализ публикаций по вопросу репродуктивных установок

№	Вопросы исследовательских работ	Исследователи	Выводы
1.	Выявление взаимосвязи репродуктивных установок и уровня образования	Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. [9]	Обратная зависимость между уровнем образования и желаемым, планируемым числом детей (исследование женщин с различным уровнем образования)
2.	Выявление взаимосвязи репродуктивных установок и уровня материального благосостояния	Чурилова Е.В., Захаров С.В. [10]	Подтвердилась зависимость материального положения и ожидаемого числа детей
		Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.В. [11]	У мужчин выявлена прямая зависимость количества детей от уровня материального положения
3.	Выявление влияния демографической политики на репродуктивный выбор	Попова Л.А., Шишкина М.А. [12]	Выявлена необходимость расширения перечня мер государственной поддержки семей с детьми
4.	Вопросы осознанной бездетности	Белинская Д.В. [13]	Портрет современной бездетной женщины: молодая жительница большого города с высшим образованием, с высоким уровнем дохода
		Гараева Э.И. [14, 15]	Причины добровольной бездетности: либерализация высшего образования, эмансипация женщин, гендерное равноправие.

В то же время особый научный интерес представляют исследования репродуктивных установок с выявлением их региональных особенностей у различных категорий населения. За последние двадцать лет в субъектах Российской Федерации накоплен масштабный опыт по исследованию репродуктивных установок, наиболее исследуемыми выступают социально-демографические категории «молодёжь» и «студенческая молодёжь», также остро стоит вопрос и по категории «сельской молодёжи» [16]. Такой научный интерес к молодёжи, вызван тем, что исследователи демографических процессов выделяют её как основной субъект воспроизводства населения [17].

В рамках данной работы рассмотрены исследования репродуктивных установок молодёжи и студенческой молодёжи, проведенных за период

2009-2024 годов в 8 городах и регионах Российской Федерации (таблица 2).

Для создания картины репродуктивных установок молодёжи при анализе публикаций было уделено внимание оценке следующих вопросов:

– первый, «идеальное количество детей», в научном дискурсе он признан индикатором семейных ценностей человека, показывая его представления о приемлемой для него теоретической модели состава семьи;

– второй, «ожидаемое количество детей», результаты по данному вопросу зачастую отличаются от показателей «идеального количества детей» по нисходящей;

– третий, анализ факторов, имеющих наибольшее влияние на репродуктивные установки молодого поколения [18].

Таблица 2

Анализ публикаций по теме репродуктивных установок молодежи в разрезе отдельных городов/регионов Российской Федерации за период 2009-2024 гг.

№	Публикации, год, регион/город РФ	Оценка репродуктивных установок и их факторов*
1.	«Факторы-детерминанты репродуктивных установок молодежи (на примере г. Новосибирска)» [18] Год: 2009 г. Место: г.Новосибирск	Идеальное количество детей: 1 ранг – 2 детей (55%) 2 ранг – 3 детей (24%) 3 ранг – 1 ребенок (12%) 4 ранг – 4 детей (2%) 4 ранг – 5 детей (2%) Ожидаемое количество детей: 1 ранг – 2 детей (43%) 2 ранг – 1 ребенок (20%) 3 ранг – 3 детей (7%) 4 ранг – 4 детей (0,3%) 4 ранг – 5 детей (0,3%) Факторы влияющие на решение о рождении ребенка/детей: 1 ранг – материальное положение (28%) 2 ранг – жилищные проблемы (20%) 3 ранг – высокая занятость (12%) 4 ранг – здоровье (8%) 5 ранг – другие причины (4%), в т.ч. неуверенность в завтрашнем дне, молодость 6 ранг – мнение родных (1%)

2.	«Факторы репродуктивных установок студенческой молодёжи» [19] Год: 2010 г. Место: г. Томск	Идеальное количество детей: 1 ранг – 2 детей (41%) 1 ранг – 3 детей (41%) 3 ранг – 4 и более детей (14%) 4 ранг – не хотят иметь детей (4%) Факторы, влияющие на решение о рождении ребенка/детей: 1 ранг – понижение доходов (66%) 2 ранг – здоровье (24%) 3 ранг – жилье (7%)
3.	«К вопросу о репродуктивных установках современной студенческой молодёжи» [20] Год: 2010-2011 гг. Место: г. Тамбов	Идеальное количество детей: 1 ранг – 2 детей (58%) 2 ранг – 3 детей (26%) 3 ранг – 1 ребенок (16%) Ожидаемое количество детей: 1 ранг – 2 детей (45%) 2 ранг – 1 ребенок (25%) 3 ранг – 3 и более детей (8%)
4.	«Влияние репродуктивных установок молодёжи на демографический потенциал региона (на примере Калмыкии)» [21] Год: 2012 г. Место: Республика Калмыкия	Идеальное количество детей: 1 ранг – 2 детей (41%) 2 ранг – 3 детей (31%) 3 ранг – более 4 детей (10%)
5.	«Факторы формирования репродуктивных установок современной студенческой молодёжи в российском регионе (на примере г.Астрахани)» [22] Год: 2018 г. Место: г. Астрахань	Идеальное количество детей: 1 ранг – 2 детей (60%) 2 ранг – 3 детей (30%) 3 ранг – 1 ребенок (5%) 4 ранг – 4 и более детей (2%) Ожидаемое количество детей: 1 ранг – 2 детей (58%) 2 ранг – 3 детей (22%) 3 ранг – 1 ребенка (10%) 4 ранг – 4 и более детей (2%) Факторы, влияющие на решение о рождении ребенка/детей: 1 ранг – материальные и жилищные трудности (21%) 2 ранг – желание пожить для себя (17%) 3 ранг – боязнь ответственности (14%) 3 ранг – большая занятость (14%) 3 ранг – неуверенность в завтрашнем дне (14%) 6 ранг – нацеленность на карьеру (12%)
6.	«Репродуктивные установки молодежи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым» [23] Год: 2020 г. Место: Пензенская область	Идеальное количество детей: 1 ранг – 2 детей (38%) 2 ранг – 3 детей (32%) 3 ранг – 1 ребенка (9%) 3 ранг – 4 и более детей (9%) 5 ранг – я не хочу детей (3%)

7.	«Особенности репродуктивных установок современной студенческой молодежи» [24] Год: 2022 г. Место: г. Волгоград	Ожидаемое количество детей: 1 ранг – 2 детей (46%) 2 ранг – 1 ребенок (25%) 3 ранг – не хотят иметь детей (11%) Факторы, влияющие на решение о рождении ребенка/детей: 1 ранг – заработная плата и профессиональный статус (46%) 2 ранг – условия жизни (28%) 3 ранг – ценности и нормы общества, семьи (11%) 4 ранг – реализуемая демографическая политика (2%)
8.	«Репродуктивные установки и семейные ценности современной студенческой молодежи (на материалах авторского социологического исследования)» [25] Год: 2024 г. Место: г. Казань	Норма детей в российских семьях: 1 ранг – 2 ребенка (33%) 2 ранг – семья может быть без детей (28%) 3 ранг – 3 детей (10%) 3 ранг – 1 ребенок (10%) 5 ранг – более 3-х детей (2%) Факторы, влияющие на решение о рождении ребенка/детей: 1 ранг – высокие доходы обоих или одного из супругов (84%) 2 ранг – доверие и взаимопонимание супругов (69%) 3 ранг – безопасность и стабильность в стране (59%) 4 ранг – социальные пособия (24%) 5 ранг – повышение престижа семьи с детьми (9%)

* доля ответов с вариантом «затрудняюсь ответить» не внесена в таблицу

Заключение

Анализ исследований репродуктивных установок молодежи в целом подтвердил ряд тенденций, происходящих в молодежной среде.

Во-первых, приверженность молодого поколения России двухдетной модели семьи. Данный вариант лидирует и занимает первый, второй и третий ранги во всех проанализированных публикациях как по вопросу идеального количества детей в семье, так и в вопросе ожидаемого количества детей (таблица 2). В то же время необходимо отметить, что исследования фиксируют снижение доли молодежи, делающих выбор в пользу двухдетной модели семьи [22, 23, 25].

Во-вторых, более поздние исследования репродуктивных установок выявляют увеличение доли молодых лю-

дей, настроенных на бездетную семью [23, 24, 25].

В-третьих, исследования показывают низкий интерес молодого поколения к четырехдетной и пятидетной моделям семьи, верхняя планка доли молодежи, выбирающих данные модели семьи не превышает 14% [18, 19, 20, 22, 23, 25].

В рамках проведенного анализа публикаций, среди факторов, имеющих наибольшее влияние на репродуктивные установки молодого поколения, выступает комплекс материально- жилищных факторов, в основном занимающих 1 и 2 ранги (таблица 2) [18, 19, 22, 24, 25], в исследовании 2024 года в г. Казани респонденты дали наибольшую долю ответов по данному фактору – 84% [25].

Также среди актуальных факторов, оказывающих влияние на формирование репродуктивных установок молодого поколения: здоровье, неуверенность в завтрашнем дне, высокая занятость, молодость, мнение родных, реализуемая демографическая политика, желание пожить для себя, боязнь ответственности [18, 19, 22, 24]. В рамках исследования молодёжи города Казани значительную долю ответов занимают факторы: доверия и взаимопонимание супругов (69%), безопасности и стабильности в стране (59%), социальных пособий (24%), повышение престижа семьи с детьми (9%) [25].

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что различные по глубине исследования репродуктивных устано-

вок молодого поколения проводятся во многих городах и регионах России, данная тематика остается актуальной для исследования современным поколением ученых. Наряду с этим, в проведении данных исследований, прослеживается эпизодичность, и они не носят системный характер. Вместе с тем, учитывая территориальные размеры страны и существенные различия в развитии её субъектов, остается существенная потребность в постоянном мониторинге-исследовании репродуктивных установок населения, молодого поколения с отслеживанием их изменений, в том числе под влиянием реализуемых государственных и региональных мер поддержки и реализации стратегии демографической политики.

Список литературы / References

1. Демографический доклад – 2024. Динамика демографических показателей в муниципальных образованиях Республики Татарстан: монография / В.А. Гневашева, Ф.Т. Талибова, Ю.Р. Хайруллина, А.З. Хурамшина; научный редактор М.Р. Сафиуллин. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2024. 72 с.

Demographic report – 2024. Dynamics of demographic indicators in municipalities of the Republic of Tatarstan: monograph / V.A. Gnevasheva, F.T. Talibova, Yu.R. Khairullina, A.Z. Khuramshina; scientific editor M.R. Safiullin. Kazan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2024. 72 p. (In Russ.)

2. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Матвеева Е.А. Современные сценарии гендерных отношений молодежи. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2021; (2 (49)):9–12.

Eflova M. Yu., Maksimova O.A., Matveeva E.A. Modern scenarios of gender relations among youth. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2021; (2 (49)):9–12. (In Russ.)

3. Бурганова Л.А. Репродуктивные установки молодёжи: монография / науч.

ред. Г.П. Мягков. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 94 с.

Burganova L.A. Reproductive attitudes of young people: monograph // scientific editor. G.P. Myagkov. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2009. 94 p. (In Russ.)

4. Thomas W.J., Znaniecki E. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1. Cambridge, 1918. 528 p.

5. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 450 с.

Uznadze D.N. Psychological research. M.: Nauka, 1966. 450 p. (In Russ.)

6. Трусова Е.А., Вязникова Л.Ф. Репродуктивные установки как социально-психологический феномен: теоретические аспекты. *Психологическая наука и практика в современном обществе: реальность и тенденции развития*: Сб. научных трудов по Всероссийской научно-практической конференции, 25–27 ноября 2020 г. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021:312–317.

Trusova E.A., Vyaznikova L.F. Reproductive attitudes as a socio-psychological phenomenon: theoretical aspects. *Psychological science and practice*

in modern society: reality and development trends: Collection of scientific papers from the All-Russian scientific and practical conference, November 25-27, 2020. Khabarovsk: Pacific State University, 2021:312–317. (In Russ.)

7. Антонов А.И. Социология рождаемости: теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980. 270 с.

Antonov A.I. Sociology of birth rate: theoretical and methodological problems. M.: Statistics, 1980. 270 p. (In Russ.)

8. Сивоплясова С.Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022; (15 (1)):223–242.

Sivoplyasova S.Yu. Reproductive attitudes of modern youth towards having many children: patterns and contradictions. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022; (15 (1)):223–242. (In Russ.)

9. Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020; (20 (3)):546–559.

Arkhangelsky V.N., Shulgin S.G., Zinkina Yu.V. Reproductive behavior of Russian women depending on educational status. *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2020; (20 (3)):546–559. (In Russ.)

10. Чурилова Е.В., Захаров С.В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? *Вестник общественного мнения*. 2019; (2 (129)):69–89.

Churilova E.V., Zakharov S.V. Reproductive attitudes of the population of Russia: is there a reason for optimism? *Bulletin of Public Opinion*. 2019; (2 (129)):69–89. (In Russ.)

11. Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.В. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*. 2021; спец. вып.:3–24.

Arkhangelsky V.N., Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.V. The influence of the standard of living on the reproductive behavior of Russians: the gender aspect. *Woman in*

Russian society. 2021; спец. вып.:3–24. (In Russ.)

12. Попова Л.А., Шишкина М.А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодёжи. *Проблемы развития территории*. 2016; (5 (85)):57–71.

Popova L.A., Shishkina M.A. Marital, family and reproductive attitudes of modern youth. *Problems of territorial development*. 2016; (5 (85)):57–71. (In Russ.)

13. Белинская Д.В. Социальный портрет чайлдфри. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*. 2018; (4 (13)):12–19.

Belinskaya D.V. Social portrait of a childfree person. *Bulletin of Tambov University. Social Sciences Series*. 2018; (4 (13)):12–19. (In Russ.)

14. Гараева Э.И. Основопологающие причины и мотивы добровольной бездетности в современном обществе. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018; (9 (53)):47–51.

Garayeva E.I. Fundamental reasons and motives for voluntary childlessness in modern society. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2018; (9 (53)):47–51. (In Russ.)

15. Гараева Э.И. Репродуктивные установки молодёжи мегаполиса (на материалах г. Екатеринбурга). *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020; (5):48–51.

Garayeva E.I. Reproductive attitudes of the youth of the metropolis (based on the materials of Yekaterinburg). *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020; (5):48–51. (In Russ.)

16. Стерник С.Г., Гареев И.Ф., Хурамышина А.З., Пилипенко И.В. Взаимосвязь изменений на рынке жилищного строительства и депопуляции населения в сельских районах. *Жилищные стратегии*. 2025; (12 (2)):221–246.

Sternik S.G., Gareev I.F., Khuramsheva A.Z., Pilipenko I.V. The relationship between changes in the housing construction market and depopulation in rural areas. *Housing strategies*. 2025; (12 (2)):221–246. (In Russ.)

17. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодёжи: коллектив-

ная монография / под ред. А.В. Бугаева, Т.К. Ростовской. М.: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.

Youth policy in the system of formation of civil identity of modern youth: collective monograph / edited by A.V. Bugaev, T.K. Rostovskaya. Moscow: Publishing house of RSSU, 2018. 198 p. (In Russ.)

18. Думнова Э.М. Факторы-детерминанты репродуктивных установок молодежи (на примере г. Новосибирска). *Вестник ТГПУ*. 2009; (9 (87)):116–119.

Dumnova E.M. Factors-determinants of reproductive attitudes of young people (on the example of Novosibirsk). *Bulletin of TSPU*. 2009. (9 (87)):116–119. (In Russ.)

19. Полякова Н.М., Чернявский И.Я., Габидулина Т.В. Факторы репродуктивных установок студенческой молодёжи. *Сибирский медицинский журнал*. 2010; (25 (4 (2))):147–149.

Polyakova N.M., Chernyavsky I.Ya., Gabidulina T.V. Factors of reproductive attitudes of student youth. *Siberian Medical Journal*. 2010; (25 (4 (2))):147–149. (In Russ.)

20. Пышкина А.С., Жабина У.В., Османов Э.М., Ведищев С.И. К вопросу о репродуктивных установках современной студенческой молодёжи. *Вестник ТГУ*. 2011; (16 (6)):1532–1534.

Pyshkina A.S., Zhabina U.V., Osmanov E.M., Vedishev S.I. On the issue of reproductive attitudes of modern student youth. *Bulletin of TSU*. 2011; (16 (6)):1532–1534. (In Russ.)

21. Бадмаев Н.В., Иджаева Б.В. Влияние репродуктивных установок молодёжи на демографический потенциал региона (на примере Калмыкии). *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2013; (1 (26)):98–101.

Badmaev N.V., Idzhaeva B.V. The influence of reproductive attitudes of young people on the demographic potential of a region (using Kalmykia as an example). *Bulletin of the Institute for Comprehensive Research of Arid Territories*. 2013; (1 (26)):98–101. (In Russ.)

22. Миронова Ю.Г. Факторы формирования репродуктивных установок современной студенческой молодёжи в российском регионе (на примере г. Астрахани). *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018; (12 (56)):56–59.

Mironova Yu.G. Factors in the formation of reproductive attitudes of modern student youth in the Russian region (on the example of Astrakhan). *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2018; (12 (56)):56–59. (In Russ.)

23. Розенберг Н.В., Иванишко А.М. Репродуктивные установки молодёжи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2021; (3):109–117.

Rosenberg N.V., Ivanishko A.M. Reproductive attitudes of young people in the Penza region: the gap between the expected and the desired. *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*. 2021; (3):109–117. (In Russ.)

24. Тарбеев Н.Н., Силкина А.В. Особенности репродуктивных установок современной студенческой молодёжи. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2023; (9): 82–84.

Tarbeev N.N., Silkina A.V. Features of reproductive attitudes of modern student youth. *Telescope: journal of sociological and marketing research*. 2023; (9): 82–84. (In Russ.)

25. Гарипова Р.Р., Кузнецов В.О. Репродуктивные установки и семейные ценности современной студенческой молодёжи (на материалах авторского социологического исследования). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (2(65)):31–37.

Garipova R.R., Kuznetsov V.O. Reproductive attitudes and family values of modern student youth (based on the author's sociological research) // *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2024; (2 (65)):31–37. (In Russ.)

Информация об авторе

Рустамова Гульшат Махмудовна, младший научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, магистрант 2 курса Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. Author ID 1140695; ORCID ID 0000-0001-7346-0348, E-mail: rustamova.gulshat@inbox.ru.

Information about author

Rustamova Gulshat Mahmudovna, junior research fellow of the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, postgraduate student Center of advanced economic research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2nd year master's student Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Kazan Federal University. Author ID 1140695; ORCID ID 0000-0001-7346-0348, E-mail: rustamova.gulshat@inbox.ru.

Поступила в редакцию 18.06.2025; принята к публикации 27.08.2025.
Received 18.06.2025; accepted 27.08.2025.

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.20–26>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Меры государственной поддержки семей с детьми: информированность и востребованность среди населения (на основе анкетного опроса)

Саттарова Л.В., Саттаров Т.А.

*Центр перспективных экономических исследований Академии наук
Республики Татарстан, Казань, 420111, ул. Карла Маркса, д.23/6,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена определению сущности социальной защиты и мер государственной поддержки семей с детьми. Статья включает в себя результаты авторского социологического исследования (Республика Татарстан, 2025 год): массовый онлайн-опрос татарстанцев, направленный на выявление уровня информированности населения о реализуемых мерах поддержки на федеральном и региональном уровне, их перспективность, а также востребованность среди татарстанцев. Сформулированы выводы о необходимости усиления работы по информированию населения о существующих мерах поддержки в регионе, а также совершенствованию мер (кратное увеличение выплат/пособий, увеличение числа программ, направленных на улучшение жилищных условий).

Ключевые слова: социальная защита, государственные меры поддержки семей с детьми, качество жизни населения, демографический кризис, выплаты

Для цитирования: Саттарова Л.В., Саттаров Т.А. Меры государственной поддержки семей с детьми: информированность и востребованность среди населения (на основе анкетного опроса). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;3(70):20–26.

Measures of state support for families with children: awareness and demand among the population (based on a questionnaire survey)

Sattarova L.V., Sattarov T.A.

*The Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, 420111, Karl Marx St., 23/6,
Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to defining the essence of social protection and measures of state support for families with children. The article includes the results of the author's sociological research (Republic of Tatarstan, 2025): a mass online survey of Tatarstan residents aimed at identifying the level of awareness

of the population about the support measures implemented at the federal and regional levels, as well as their demand and effectiveness among Tatarstan residents. Conclusions are formulated on the need to strengthen efforts to inform the population about existing support measures in the region, as well as to improve measures (multiple increase in payments / benefits, increase in programs aimed at improving housing conditions).

Keywords: social protection, state support measures for families with children, quality of life of the population, demographic crisis, payments

For citation: Sattarova L.V., Sattarov T.A. Measures of state support for families with children: awareness and demand among the population (based on a questionnaire survey). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):20–26. (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день в Российской Федерации сформировались условия, подсветившие множество проблем, связанных с реализацией социальной защиты населения. К числу таких можно отнести снижение темпов экономического роста, существенную дифференциацию населения по уровню реальных доходов, кадровый голод, социально-экономическую и политическую нестабильность [1]. Одной из уязвимых категорий населения, испытывающих на себе последствия перечисленных проблем, являются семьи с детьми, в связи с чем повышается необходимость их социальной защиты со стороны государства. По данным Росстата, в 2024 году в России проживало 30 млн детей в 24,5 млн семей [2].

Социальная защита семей с детьми представляет собой совокупность экономических, социальных и политических действий, осуществляемых органами государственной власти и обществом для формирования условий, не допускающих жизненных трудностей, удовлетворения жилищно-бытовых, социальных и других нужд, а также создания возможностей для достойного уровня жизни [3]. Так называемым инструментом социальной защиты являются меры государственной поддержки семей с детьми, которые не дают семьям оказаться за чертой бедности, способствуя повышению рождаемости [4]. Однако тогда возникает вопрос о том, насколько

население, в том числе семьи с детьми и те, кто планирует завести детей, осведомлены об имеющихся пособиях и государственных программах.

Изучением проблематики социальной защиты семей с детьми и ее отдельных аспектов, в том числе государственных мер поддержки, активно занимаются отечественные социологи, среди которых отметим Ю.Р. Хайруллин [5], А.Ф. Шакирову [6], В.Н. Архангельского [7], Г.И. Осадчую [8], В.В. Елизарова [9] и других.

Методы

В целях выявления уровня осведомленности населения о реализуемых мерах поддержки семей с детьми был проведен онлайн-опрос среди жителей Республики Татарстан (n=1500, опрос проводился с сентября по ноябрь 2024 года). Опрос проводился на платформе «Яндекс.Формы» методом «снежного кома», все вопросы анкеты предполагали возможность выбора нескольких вариантов ответа. Распределение выборочной совокупности по муниципальным районам Татарстана осуществлялось пропорционально численности населения. Из 1500 респондентов в возрасте от 18 до 56 лет 37% опрошенных составили мужчины и 63% женщины. Задачами исследования стали: определение наиболее известных мер поддержки на государственном и федеральном уровне, а также выявление наиболее востребованных и перспективных мер.

Результаты и обсуждение

На вопрос «С какими федеральными мерами государственной поддержки семей с детьми Вы знакомы?» ответы распределились следующим образом: материнский (семейный) капитал (71%), семейная ипотека (66%), ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка до 17 лет (55%), возможность получения выплат по уходу за ребенком при официальном трудоустройстве (50%). К наименее известным федеральным мерам поддержки респонденты отнесли: предоставление средств приобретения жилья молодым семьям и выплатам в размере 450 тысяч на погашение ипотеки при рождении третьего ребенка (41%), налоговые льготы для многодетных семей (20%). Данные меры поддержки менее востребованы, по нашему мнению, ввиду ограниченности круга их получателей и недавнего срока реализации. Еще 7% опрошенных указали, что вовсе не знают о федеральных мерах поддержки семей с детьми (рисунок 1).

При этом осведомленность о материнском капитале чаще, чем мужчи-

ны отмечали женщины (78% VS 60%), преимущественно – это молодые люди в возрасте от 25 до 30 лет (82%) и от 31 до 35 лет (79%). У опрошенных старше 56 лет данный показатель существенно ниже и составляет 42%. Федеральная программа «Семейная ипотека» чаще упоминалась мужчинами (69% VS 64%), особенно респондентами в возрасте от 31 до 35 лет (72%) и возрастной группы от 36 до 41 года (70%). Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет продемонстрировала минимальный уровень информированности по данной мере поддержке (48%). Ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка до 17 лет чаще упоминали женщины (61% VS 45%) в возрастных группах от 25 до 30 лет (63%) и от 31 до 35 лет (65%). Возможность сохранения выплат по уходу за ребенком при официальном трудоустройстве отмечали чаще женщины, чем мужчины (55% VS 42%), преимущественно в возрасте от 25 до 30 лет (58%). Возможность получения выплат в размере 450 тысяч на погашение ипотеки при рождении третьего ребенка более известна сре-

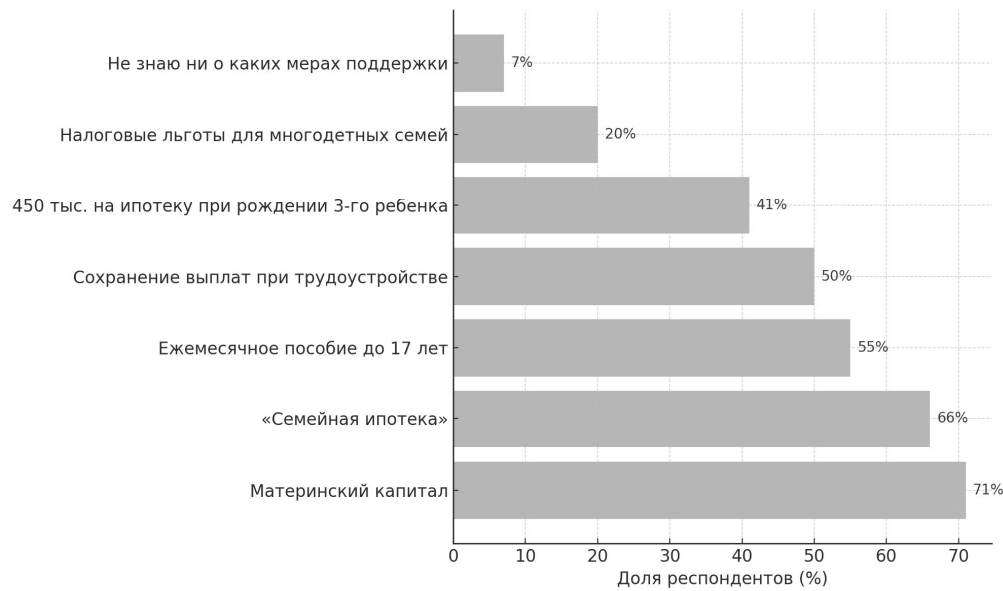

Рисунок 1. Информированность татарстанцев о федеральных мерах государственной поддержки семей с детьми

ди мужчин, чем женщин (45% VS 38%), особенно в возрасте от 31 до 35 лет и от 36 до 41 года. Примерно в равной степени осведомлены мужчины и женщины о налоговых льготах для многодетных семей (21% VS 19%), в частности среди респондентов в возрасте от 36 до 41 года (23%). Низкая информированность характерна для опрошенных старше 56 лет (38%), а также для возрастной группы от 46 до 55 лет (12%). Мы видим, что женщины более осведомлены о различных финансовых выплатах, нежели мужчины, которые, в свою очередь, больше проинформированы об ипотечных и жилищных государственных программах. Наибольший уровень информированности присущ для опрошенных в возрасте от 35 до 41 года, что связано, как мы полагаем, с мерами поддержки семей, находящихся в репродуктивном возрасте.

К известным республиканским мерам поддержки семей с детьми респонденты отнесли: предоставление молочной кухни детям до 3-х лет (30%), компенсацию части платы за детский сад и предоставление путевок в дет-

ские оздоровительные лагеря, санатории (по 15% соответственно). Реже респонденты указывали на возможность получения ежемесячных денежных выплат на проезд (12%), субсидии на оплату жилья и услуг ЖКХ (11%), предоставление работающим женщинам, имеющим детей, еженедельно не менее 2 часов свободного времени или один свободный день в месяц (3%). При этом 45% опрошенных указали, что вообще не знают о республиканских мерах государственной поддержки семей с детьми. На это серьезное упущение необходимо обратить особое внимание (Рисунок 2).

Для женщин характерна более высокая информированность по таким мерам поддержки, как молочная кухня (35% VS 21%), компенсация части оплаты за детский сад (18% VS 9%), предоставление свободного времени матери, которая трудоустроена (5% VS 1%), в то время как мужчины чаще упоминают о транспортных преференциях (15% VS 11%) и скидках на оплату услуг ЖКХ (12% VS 10%). Предоставление путевок в детские лагеря и санатории пример-

Рисунок 2. Информированность татарстанцев о республиканских мерах государственной поддержки семей с детьми

но в равной степени распределились между женщинами и мужчинами (16% VS 14%). При этом низкую осведомленность о республиканских мерах поддержки показали мужчины, нежели женщины (52% VS 41%)

Чаще всего татарстанцы лично прибегали к использованию таких мер поддержки, как материнский капитал (65%), программа «Семейная ипотека» (55%), ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка (49%) и предоставление средств на приобретения жилья молодыми семьями и выплаты в размере 450 тысяч на погашение ипотеки при рождении третьего ребенка (39%). Реже опрошенные выбирали сохранение выплат по уходу за ребенком при занятости (15%), налоговые льготы для многодетных семей (14%) и вариант «Другое» (1%). Немногочисленное использование такой меры поддержки, как сохранение выплат по уходу за ребенком при занятости (15%), мы полагаем, связано с относительно недавним ее введением – лишь 1 января 2023 года был принят соответствующий закон.

Женщины используют материнский капитал чаще мужчин (74% VS 50%). При этом максимальные показатели отмечаются у респондентов в возрасте от 25 до 30 лет и от 31 до 35 лет (80% и 78% соответственно), что связано с активным репродуктивным возрастом. В возрастной категории 46–55 лет данный показатель составляет 33%, а у респондентов старше 56 лет – 5%. Семейная ипотека более востребована среди мужчин, нежели среди женщин (58% VS 53%), преимущественно в возрасте от 31 до 35 лет и от 36 до 41 года (63% и 60% соответственно). Минимальный показатель отмечается у молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет (12%). Чаще используют ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка женщины, нежели мужчины (55% VS 39%), особенно в возрастной

категории от 25 до 30 лет и от 31 до 35 лет (60% и 57% соответственно). Средства на приобретения жилья молодым семьям и выплату в размере 450 тысяч рублей на погашение ипотеки при рождении третьего ребенка немного чаще использовали мужчины, нежели женщины (42% VS 38%), особенно в возрастных группах от 31 до 35 лет и от 36 до 41 года (48% и 45% соответственно). Использование возможности сохранить выплаты по уходу за ребенком при официальном трудоустройстве характерно преимущественно для женщин, нежели для мужчин (18% VS 10%), в возрасте от 25 до 30 лет и от 31 до 35 лет (22% и 20% соответственно). В целом, мы видим, что для женщин характерно использование мер поддержки, которые связаны с рождением и воспитанием ребенка, в то время как мужчины чаще участвуют в жилищных и ипотечных программах. При этом, наибольшую активность проявляют респонденты в возрасте от 25 до 41 года, что связано с совпадением жизненного цикла и предоставлением большей части мер государственной поддержки.

Выводы

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что население Татарстана достаточно хорошо осведомлено о федеральных мерах поддержки (материнский капитал, семейная ипотека и т.д.), в то время как информированность о мерах поддержки, реализуемых на уровне республики, остается существенно ниже. Это свидетельствует о необходимости проведения усиленной информационной кампании со стороны региональных властей. К часто используемым мерам поддержки татарстанцы отнесли финансовые меры, материнский капитал, пособие при рождении и воспитании ребенка, а также жилищные и ипотечные программы. В тоже время налоговые льготы и скидки на оплату услуг ЖКХ

используются реже, ввиду чего отходят на второй план. Стоит отметить, что каждый пятый респондент считает, что существующие меры поддержки неэффективны, что требует пересмотра политики государства в области социальной защиты семей с детьми.

Заключение

Меры поддержки семей с детьми являются ключевым инструментом социальной защиты со стороны государства. С каждым годом количество мер поддержки семей с детьми увеличивается, и в настоящее время они включают в себя, в основном, де-

нежные пособия, выплаты, а также налоговые льготы и программы, направленные на улучшение жилищных условий. Вместе с тем, важно не только повышать адресность социальной защиты семей с детьми для достижения социальной справедливости, но и активно информировать население о реализуемых мерах поддержки. Это позволит обеспечить равенство доступа к социальной поддержке, повысить эффективность государственной политики и уровень рождаемости, а также сократить социальное неравенство и усилить взаимопонимание в диалоге между государством и обществом.

Список литературы / References

1. Поклонова Е.В., Стародуб В.А. Критериальные аспекты понятия «Социальная защита». *Проблемы современной экономики (Новосибирск)*. 2015; (23):11–15.
Poklonova E.V., Starodub V.A. Criterial aspects of the concept of "Social protection". *Problems of modern economy (Novosibirsk)*. 2015; (23):11–15. (In Russ.)
2. Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. *Статистический сборник Росстата*. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf>.
Family and Children in Russia. Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation. *Statistical Digest of Rosstat*. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf> (date accessed: 20.04.2025). (In Russ.)
3. Нормативно-правовая база политики социальной поддержки семей с детьми в РФ. URL: https://ds-klenovskij-r897.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/19/8/Sotsial_naya_poddnrzhka_semey_s_det_mi_v_RF.pdf.
Regulatory framework for the policy of social support for families with children in the Russian Federation. URL: https://ds-klenovskij-r897.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/19/8/Sotsial_naya_poddnrzhka_semey_s_det_mi_v_RF.pdf. (In Russ.)
4. Саттарова Л.В., Хайруллина Ю.Р. Тенденции и перспективы развития демографической ситуации в современной России. *Научные труды Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан*. 2024:128–136.
Sattarova L.V., Khairullina Yu.R. Trends and prospects for the development of the demographic situation in modern Russia. *Scientific works of the Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*. 2024:128–136. (In Russ.)
5. Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р., Жигитова Т.В. Материнский капитал. Инвестиции в будущее или социальное пособие. *ВЭПС*. 2015; (3):270–274.
Khairullina Yu.R., Khairullin R.R., Zhigitova T.V. Maternity capital. Investment in the future or social benefits. *VEPS*. 2015; (3):270–274. (In Russ.)
6. Шакирова А.Ф., Демкина Е.П. Концептуализация модели эффективности института социальной защиты населения (часть первая). *Народонаселение*. 2021; (1):66–76.
Shakirova A.F. Conceptualization of the efficiency model of the institute of social protection of the population (part one). *Population*. 2021; (1):66–76. (In Russ.)

7. Архангельский В.Н. Семейная жизнь и тенденции воспроизводства населения в Великом Новгороде. М., 2002. 441 с.

Arkhangelsky V.N. Family life and population reproduction trends in Veliky Novgorod. Moscow, 2002. 441 p. (In Russ.)

8. Осадчая Г.И. Социальное знание и социальная практика: монография. М.: Академический Проект, 2020. 160 с.

Osadchaya G.I. Social knowledge and social practice: monograph. M.: Akademicheskyy Proekt, 2020. 160 p. (In Russ.)

9. Елизаров В.В. Избранные труды: сборник статей / Ред.-сост. Н.Г. Джанаева, Н.А. Затонских, О.С. Чудиновских. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023. 228 с.

Elizarov V.V. Selected works: collection of articles / Editors-compilers N.G. Dzhanayeva, N.A. Zatonskikh, O.S. Chudinovsky. M.: Faculty of Economics of Moscow State University named after M. V. Lomonosova, 2023. 228 p.

Информация об авторах

Саттарова Лена Винеровна, аспирант обособленного структурного подразделения «Центр перспективных экономических исследований» Академии наук Республики Татарстан, Казань, lenarka0896@mail.ru

Саттаров Тимурбек Адылович, аспирант обособленного структурного подразделения «Центр перспективных экономических исследований» Академии наук Республики Татарстан, Казань, sattarovtimurbek@gmail.com

Information about author

Sattarova Lenara Vinеровna, postgraduate student of the separate structural division «Center for Advanced Economic Research» of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, lenarka0896@mail.ru

Sattarov Timurbek Adilovich, postgraduate student of the separate structural division «Center for Advanced Economic Research» of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, sattarovtimurbek@gmail.com

Поступила в редакцию 07.06.2025; принята к публикации 11.09.2025.

Received 07.06.2025; accepted 11.09.2025.

Научная статья

Research article

УДК 111/165.21

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.27-38>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Анагогическое назначение символа в свете языческого и христианского неоплатонизма

Авдошин Г.В.

*Казанский государственный энергетический университет,
420066, Казань, ул. Красносельская, д. 51, Российская Федерация*

Модин Р.В. (Иеромонах Роман (Модин))

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 35, Российская Федерация*

Аннотация. Исследование проблемы онтологии диалога, предстояния встречи с Богом / божественным / Иным / трансцендентным было и остается актуальным как философское осмысление практики «духовного упражнения», стремления не столько искать ответы на абстрактные вопросы о природе вселенной, но оставлять человека на его пути к первоисточнику бытия. Поэтому концепция А.Ф. Лосева, применяемая в контексте «пост-секулярного мышления», позволяет искать такого понимания символизма в неоплатонизме и христианской позиции, которое оставляет философствующего открытым Бесконечному.

Статья исследует проблему символа в контексте языческого и христианского неоплатонизма. В этой традиции символ понимается не как знак, созданный по установлению, но как реальная вещь, главное предназначение которой – служить посредником в отношениях чувственного и умопостижимого, земного и божественного. Символ – главное связующее звено, главная скрепа «небесной» цепи, которая связывает космос в одно целое, позволяя вещам участвовать в божественном, восходить к своим первообразам, а божественному, в свою очередь, «видеть» свои отражения в мире. Важное место в этом процессе принадлежит практикам священнодействий, в которых происходит общение земного и божественного. Также в свете этой проблемы важен вопрос о подобии и неподобии символических образов тем реальностям, к которым они отсылают.

Ключевые слова: символ, синфема, миф, образ, теургия, священнодействие, Прокл, Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник.

Для цитирования: Авдошин Г.В., Модин Р.В. Анагогическое назначение символа в свете языческого и христианского неоплатонизма. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3 (70)):27–38.

The anagogical purpose of the symbol in the light of pagan and Christian Neoplatonism

Avdoshin G.V.

Kazan State Power Engineering University, Kazan, 420066 Russia

Modin R.V. (Hieromonk Roman (Modin))

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The study of the problem of the ontology of dialogue, the forthcoming encounter with God/divine/Other/transcendent is still relevant as a philosophical understanding of the practice of "spiritual exercise", as a desire not so much to seek answers to abstract questions about the nature of the universe, but to leave man on his path to the original source of being. Therefore, A. Losev's concept, applied in the context of "post-secular thinking", allows us to look for such an understanding of symbolism in Neoplatonism and the Christian position, which leaves the philosopher open to the Infinite.

The paper explores the problem of the symbol in the perspective of Pagan and Christian Neoplatonism. In this tradition symbol is understood not as a sign created by decree but as a real thing, the main purpose of which is to serve as a mediator in the relationship between the sensible and the intelligible, the earthly and the divine. The symbol is a main connecting link, the main brace of the celestial chain that binds the cosmos into one whole allowing things to participate in the divine, to ascend to their prototypes, and letting the divine, in its turn, to «see» its reflections in the world. An important place in this process belongs to the practices of sacred acts, in which communication between the earthly and the divine takes place. Also important in light of this problem is the question of similarity and dissimilarity of symbolic images to the realities to which they refer.

Keywords: symbol; synthema; myth; image; theurgy; sacred act; Proclus; Dionysius the Areopagite; Maximus the Confessor

For citation: Modin R.V. The anagogical purpose of the symbol in the light of pagan and Christian Neoplatonism. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3 (70)):27–38. (In Russ.)

Введение

В настоящей статье мы собираемся рассмотреть проблему символа в онтологической перспективе, сосредоточив главное внимание на его анаagogическом – возводящем – назначении. Анаagogическое назначение символа – способность его возводить человека к реальностям более высокого порядка, в пределе – к сфере божественного. Несмотря на то, что символ в общем представляет собой форму выражения и понимается как условный знак чего-то, мы будем рассматривать символ как саму реальность, как реальное

связующее звено между уровнями действительности.

Новизна исследования заключается в рассмотрении анаagogического назначения символа в рамках концепции понимания символа А.Ф. Лосева [1], согласно которой символизм у неоплатоников и в христианской метафизике состоит в том, что бытие дается в его восприятии как насыщенный феномен – просвечивающий на символе Лик Бесконечного. Символ онтологичен, он творит и преображает реальность. Символ динамичен. Как единство идеи и материи, конечного и бесконечного, видимого и невидимого, символ,

оставаясь самим собой, указывает на иное, высшее бытие. Он «большого самого себя» как насыщенный феномен, и указывает на то, что не умещается ни в какую видимую форму.

Методы

В данной статье мы собираемся исследовать некоторые аспекты понимания символа у неоплатоников, прежде всего, Ямвлиха [2] и Прокла [3, 4], а также у христианских богословов Дионисия Ареопагита [5, 6, 7] и Максима Исповедника [8], которые испытали влияние неоплатонической философии. Кроме названных философов с целью анализа природы символа и его возводящего назначения и смысла используется методология А.Ф. Лосева [1]. Для исследования будут привлекаться близкие по смыслу понятия синфемы, мифа, образа, изображения.

Результаты и обсуждения

Если вспомнить платоновского «Кратила» [9], к которому во многом восходит данная проблематика, то в свете его разделения имен на имена «по природе» и имена «по установлению» символ будет природным, реальным именем: он той же природы, что и обозначаемая им вещь. Можно сказать, что «по природе» – это вертикальная перспектива понимания символа и обращения с ним. «По установлению» – горизонтальная перспектива, связь имени и вещи условна, они не принадлежат одной природе. Это во многом точка зрения современной семиотики, трактующей символ как разновидность знака, главная задача которого – обозначать. В вертикальной же перспективе символ – это то, что делает возможным общение различных уровней одной действительности, единого космоса.

Подобное понимание символа было наиболее актуально для античности и средневековья, прежде всего в рам-

ках неоплатонической философии и ее преломления в христианском богословии. В наше время наследие этой традиции было актуализировано в трудах А.Ф. Лосева [1]. Поэтому мы будем в общеметодологическом плане опираться на следующую характеристику, данную русским философом: «Символ не указывает на какую-то действительность, но *есть сама эта действительность*. Он не обозначает какие-то вещи, но сам есть эта явленная и обозначенная вещь. Он ничего не обозначает такого, чем бы он сам не был» [1, с. 876]. Символ ничего не обозначает, его задача соединять родственное и возводить низшее к высшему. Возводить человека, а также и другие вещи к первопричинам. Возведение – вертикальное действие. Для его осуществления необходимы особые практики, практики теургии и священнодействия.

Именно в контексте этих практик символ рассматривался у неоплатоников, прежде всего, Ямвлиха и Прокла [2-4], а также у христианских богословов Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника [5-7, 8], которые испытали влияние неоплатонической философии.

Поскольку для языческих и христианских неоплатоников анагогическая функция символа осуществляется в священнодействии, скажем в начале несколько слов о ней. Для языческих философов это будут практики теургии, для Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника – практика церковных священнодействий, частью которых являются таинства.

Актуализация теургии как магической практики богообщения начитается в неоплатонизме, по-видимому, с Ямвлиха. Плотин и Порфирий, признавая магию как силу, на которой строятся взаимоотношения природных сил, не рассматривают ее как практику приближения к божеству. А.В. Петров полагает, что Плотина и Порфирия следует считать скорее мистиками,

чем магами, так как они считают, что богам не нужна ритуальная практика, ведь божество неаффицируемо. Способ приближения к нему – умное созерцание [10, с. 159].

У Ямвлиха, который испытал влияние «Халдейских оракулов» [11], теургия осмысливается уже как важная практика общения человека с богами, цель которой – единение с ними. При этом оно достигается не путем мышления, не в теоретической философии, но сверх мышления, в «совершении боголепных деяний», а также посредством «безгласных символов», ведомых только богам [11, с. 57]. Ямвлих дает следующую характеристику: «Теургия как целое двояка: с одной стороны, она, будучи применяема людьми, сохраняет наше положение, как оно есть по природе во вселенной; с другой же стороны, основываясь на божественных знамениях и с их помощью восходя ввысь, соединяясь с лучшими родами и надлежащим образом приводимая к их благоустроению, она таким образом, естественно, способна облечься в одеяние богов» [11, с. 104–105]. Можно сказать, что в теургии главные действующие лица – боги. В теургической практике человек призывает посредством тайных символов/синфем высшие силы богов, что и дает ему возможность облечься в их одеяния. Иными словами, дает возможность участвовать в божественной жизни, что осуществляется только в том случае, если общение с богами происходит в единении и простоте, а не в режиме противоречивого разнообразия земной жизни.

В философии Прокла учение о символе разрабатывается также в контексте теургической практики, в которой символам отводится важное место. Проблема символа сопряжена с проблемой имени. Для Прокла, как и для Платона, актуален вопрос: имена существуют по природе или по установлению? В «Комментарии к «Кратилу» Платона Прокл говорит, что имена

существуют так и так, при этом могут быть взаимно причастны друг другу, т.е. «природные» имена могут быть причастны «установленным» именам, и наоборот [3, с. 317]. Что касается правильности, то имена получают ее и по природе, и по установлению, «...имя благодаря связанной со знанием творческой причине [существует] по закону и по установлению, а благодаря парадигматической причине – по природе» [3, с. 327]. Закон при этом не случаен и произволен, а установлен согласно невидимым логосам [3, с. 327]. Правильность имени означает, что оно соответствует вещи. Правильное имя – это символ, или синфема.

В.В. Петров, разъясняя в контексте неоплатонизма такие аспекты отношений Единого, Ума, Души и материального космоса, как пребывание, исхождение и возвращение, говорит, что исхождение Единого во многое означает переход от идей/логосов к их отражениям и подобиям. Возвращение же к Единому становится возможным в силу того, что в мире есть особые материальные сущности, которые неведомым для человека образом соединены с Единым. Эти сущности суть символы и синфемы – «...точки присутствия божественного Единого на всех уровнях бытия» [12, с. 212]

Сам Прокл так говорит о них в «Платоновской теологии» [3]: «...тот <бог>, который оказывается причиной всего, повсюду рассеял символы собственного всесовершенного превосходства; при их посредстве он расположил все вокруг себя и, стало быть, неизреченно присутствует во всем, будучи тем не менее от него обособлен. Итак, каждое, проникая в неизреченность собственной природы, изыскивает так символ Отца всего. Всё по природе благоговет перед ним и при посредстве соответствующего ему мистического символа соединяется с ним, совлекая с себя собственную природу; вследствие тоски по непознаваемой природе, по истоку

блага, оно стремится быть только его символом и всего лишь участвовать в нем. Достигнув этой причины, оно застывает в тишине и *избавляется от бремени и любовного томления*, свойственных всему в согласии с его природой по отношению к непознаваемой, неизреченной, не допускающей участия в себе, сверхполной благодати» [3, с. 139-140]. «Сверхполная благодать», «Отец всего» – это, собственно, Единое, «рассеявшее» повсюду мистические символы, синфемы, посредством которых вещи могут соединяться с ним. При этом, что очень важно, Единое, обособленно присутствуя через символы во всем, тем не менее, не допускает участия вещей в себе, т.е. полного слияния с ним, а только лишь разные степени их приобщения к нему.

Итак, символы/синфемы – это те знаки, «отметки», с помощью которых Единое «присутствует» во всех вещах, с помощью чего, в свою очередь, вещи могут возвращаться к нему. Эти знаки реальны, а не условны, они своего рода частицы Единого. Есть разные степени приобщения к Единому, в зависимости от степени удаленности вещей от него, «...в каждом из сущих, вплоть до самых последних, имеется знак этой невыразимой и запредельной мыслимым [вещам] причины, с помощью которой все вещи восходят к ней, одни, [останавливаясь от нее] подальше, другие – поближе в соответствии с ясностью и смутностью знака в них...», – говорит Прокл в комментариях к «Кратилу» [10, с. 332].

Помимо того, как запредельная причина всего, так и природа, а также боги вселяют в следующие после них вещи свои символы/синфемы. Прокл говорит, что особенность каждого бога-покровителя простирается вплоть до камней и трав [4, с. 159]. Таким образом, каждая вещь, камни, растения, животные, люди, обладают синфемой того или иного бога, образуя божественные цепочки, серии. С помощью

подобных синфем происходит обращение сущих к своим божественным причинам и общение с ними.

Вещи могут приобщиться к богам, только если они готовы к этому. Просто наличия символа/синфемы недостаточно. Готовность определяется разными факторами, движением светил, составом воздуха и просто благоприятными моментами. Что касается именно человека, то его готовность предполагает также сознательное стремление и выбор. Прокл пишет: «И вот, когда благодаря схождению этих многочисленных причин те или иные изменчивые по природе вещи оказываются готовы приобщиться к богам, в них начинает проявлять себя божественное, которое прежде было скрыто и, хоть и обладало своим уделом от века и простирало свое присутствие [повсюду], однако не становилось объектом приобщения [здешних вещей] из-за их неготовности» [4, с. 191]. Как отмечает С.В. Месяц [13], божественные знаки в людях проявляются через их характеры (царственный, философский и др.). А что касается, например, растений и животных – то они проявляются в их влечениях к небесным телам или в их свойствах, отражающих того или иного бога (так, подсолнух и лев имеют знаки бога солнца Гелиоса) [4, с. 298]. Или здесь можно обратиться к философскому толкованию Проклом мифа о Фазтоне. Фазтон, сын Солнца, относящийся к «солнечной серии», был поражен Зевсом и низвергнут на землю именно потому, что уклонился от своей солнечной природы в мир становления [4, с. 159-160].

Что касается роли символов в отношении человека, то они необходимы ему, поскольку он представляет собой телесное существо и для него большую роль играет воображение. Так, Порфирий выделяет в человеке три способности распознавания: ощущение, воображение и ум. Первые две способности осуществляют акт распознавания пу-

тем выхода вовне, ощущая, созерцая внешнее, не соединяясь с ним, но формируя его образ в себе. Уму же для познания нужно обратиться не вовне, но на самого себя. Ум обращен к себе самому и занят созерцанием самого себя, своих энергий [14, с. 788]. Поэтому взаимодействие с чувственным миром осуществляется посредством образов, для умопостигаемого же мира образы не нужны, поскольку там имеет непосредственное созерцание умом самого себя.

В этом же направлении развивается мысль Прокла, который различает мир воображения и мир чистого ума. Как отмечает В.В. Петров [15], Прокл, как потом и Дионисий Ареопагит, использует для обозначения имеющего форму чувственного бытия производные от глагола *πλάσσειν*, основные значения которого «лепить», «наделять формой», «выдумывать». Чувственные вещи – это «лепнина». «В сравнении с истинно сущим, которое умопостигаемо, равно и чувственные объекты, и понятия о них представляют собой *πλάσσειν* – неподлинное бытие, «мнимости». Поскольку эти «мнимости» представляют собой изменчивые подобию подлинных сущностей и отсылают к ним, они также именуются «символами» [15, с. 270].

Также важно отметить, что Прокл выделяет образный (иконический) и символический пути раскрытия божественных истин. Образный путь нацелен на познание божественного через изображения (иконы) божественных сил и действий. Так, Прокл говорит, что политик у Платона, занятый государственным устройством (политикой), изображает в этом действия небесной демиургии [3, с. 17]. Образный путь возводит к божественному через действительное подобие между вещами этого мира и их божественными причинами.

Что касается символического пути, то он открывает божественные по-

рождающие сущности и приближает конечные вещи к ним через аналогию и вселенскую симпатию, которая существует у этих вещей к их причинам [10, с. 303]. Прокл говорит в комментариях на «Государство», что «...первый путь, осуществляемый через изображения, подходит собственно философствующим, а указание на божественную сущность, осуществляемое через неизреченные синфемы, годится руководителям более мистической теургии...» [10, с. 304]. Итак, иконический путь больше годен для философа, символический – для теурга. Первый – больше подходит для воспитания юношей, второй – для тех, кто достиг определенного совершенства и готов к божественному исступлению [10, с. 302-303]. Так, Прокл ставит теурга выше философа.

Перейдем к Дионисию Ареопагиту, на которого, как известно, философия символа неоплатоников, особенно Прокла, оказала большое влияние. Дионисий развивает неоплатоническое учение о символе уже в свете христианского богословия [7]. Ареопагит выделяет в богословском учении два уровня: первый – неизреченный, таинственный, выражаемый через символы, второй – явленный и постижимый, требующий философского доказательного знания [7, с. 448]. Он указывает далее на то, что, совершая святейшие таинства, священники используют «боголепные символы», посредством которых таинственным образом открывается божественное, при этом остается недоступным в своей сути. «И подобало ведь не только, чтобы Святая Святых сохранялась недоступной для многих, но чтобы и сама человеческая жизнь, неделимая и одновременно делимая, осиявалась подобающим ей образом божественными знаниями и чтобы бесстрастная часть души созерцала простые и глубочайшие зрелища из числа богоподобных картин, а страстная по-родственному служила ей и тянулась к божественнейшему,

пользуясь заранее подготовленными из формирующих символов образами...» [7, с. 449-450].

Таким образом, символы являют невидимое божественное воображающему, привыкшему к образам человеческого уму. Дионисий выделяет два вида символов и образов [7]: «подобные подобия» и «неподобные подобия». К подобным подобиям относятся имена Бога, ангельские имена. Их особенность в том, что эти образы, с одной стороны, дают возможность как-то познать то, что образа не имеет, познать Бога через такие Его имена, как «Слово», «Ум», «Премудрость», «Свет» и другие. Ведь Богу подобает разумность, мудрость, то есть эти имена подобны Ему. С другой стороны, они отдаляют от Бога, ведь Он превосходит всё названное, не являясь ничем из него.

«Неподобные подобия» – это образы, в которых представление божественного основано на несходстве и инаковости изображаемого и того образа, в котором оно изображается. В «неподобных подобиях» ангельские силы представляются в виде огненных колес, орлов, львов, и других вещей и существ, никак не схожих с бестелесными умными ангельскими силами. Кроме того, к неподобным подобиям Дионисий относит отрицательные определения, прилагаемые к Богу. Поскольку Бог превышает всего сущего, то Он обозначается через отрицания. Он описывается как «непознаваемый», «недостижимый» «безначальный» и др. Эти отрицательные определения в большей степени приближают к Богу по причине того, что не создают иллюзий подобия Бога с тем, чем Он не является. Для Дионисия последний способ в большей степени приближает к истине, он говорит, «...если отрицания применительно к божественному истинны, а утверждения не согласуются с сокровенностью невыразимого, то для невидимого гораздо более подходяще выявление через неподобные образы» [5, с. 44].

Неподобные подобия больше содействуют возвышению ума человека, чем подобные. Ведь человек, обладая не только разумной, но и страстной душой может «плениться» подобными образами (представляя, например, ангелов как златовидных небесных существ). По этой причине богословие обращается к несходным образам, чтобы «приземленные люди», поражаясь неподобию между образом и тем, что он изображает, пробуждали «...к действию то возвышающее, что есть в душе» [5, с. 45] и, как бы отталкиваясь от низких неподобных образов, устремлялись в сторону того, что образа не имеет. Так, представление ангельских сил в низменных неподобных образах животных, в большей степени возвышает наш ум, чем представление их в образах возвышенных. Здесь наглядно показано анагогическое назначение символа – возбуждать душу, но не «вниз», а «вверх», т.е. возвышать через это возбуждение ум. Поэтому неподобно-подобная отрицательная природа символа делает его ориентиром в сфере божественного. Символ побуждает к действию наш ум для того, чтобы он «активизировал» свою ангельскую природу для созерцания Бога.

Эти два типа образов соотносятся с двумя способами богословия: катафатический, т.е. утвердительный, основанный на подобию; и апофатический – отрицательный, основанный на неподобии. Катафатический способ предполагает, что божественное можно описывать и постигать через символы и имена, подобные священным прототипам. Апофатический же описывает божественное через отрицания. И здесь, как думается, можно провести параллель с двумя путями, которые выделяет Прокл: образный и символический. Иконический путь образов вполне соотносим с подобными подобиями, тогда как символический имеет черты сходства с апофатическим. В этом, вероятно, проявилась

одна из линий влияния Прокла на Дионисия. При этом мы не можем говорить здесь о сущностном соответствии двух путей.

Символического смысла полны церковные Таинства, которые Дионисий Ареопагит разбирает в книге «О церковной иерархии» [6]. Так, описывая символы Таинства Просвещения (Крещения), Дионисий раскрывает его душеводительный смысл. Как отмечает Эндрю Лаут (Andrew Louth) [16], Дионисий понимает Крещение как второе рождение, которое «...есть божественное рождение, делающее возможным обожение» [16, р. 58].

Дионисий говорит, что в Просвещении иерархическое и единовидное, т.е. боговидное, распределяется во множестве, чтобы, в свою очередь, гармонично вести каждого сообразно его чину ввысь [6, с. 324]. Выделяется три основных чина: чин очищаемых (сюда входят как готовые принять Крещение, так и крестившиеся, но еще не укрепившиеся в божественных состояниях), созерцательный чин (те, кто достиг созерцания священных символов и приобщения к ним) и чин монахов – самый совершенный из трех [6, с. 376–377]. В Просвещении человек приобщается к свету, здесь он получает способность узрения собственной природы. Восприимчик просвещаемого предстает его руководителем на пути к иерарху (епископу), которой, в свою очередь, символизирует Бога. «Возводимого таким образом человека воспринимает божественное Блаженство как Своего причастника и передает ему Свой свет как некий знак, завершая его приобщение к Богу и к свойственным приобщенным к Богу жребию и священному назначению...», – читаем у Дионисия [6, с. 326]. Здесь, таким образом, представлен схожий с описанным Проклом механизм приобщения к божественному, который «встраивает» человека в божественную цепь.

При этом, говоря о влиянии Прокла на Дионисия, и в целом платонизма на христианское богословие, думается, можно вспомнить вполне справедливую критику В.Н. Лосским [17] желания некоторых исследователей сделать из Дионисия неоплатоника. Когда речь идет о платонизме Отцов Церкви, в частности о неоплатонизме Дионисия, то здесь, по мнению русского мыслителя, речь идет скорее о внешнем сходстве, одна из причин которого – использование общей терминологии, свойственной той эпохе. Понимание же непознаваемого Бога у Дионисия и простоты Единого у неоплатоников существенно различается [17, с. 215].

Наконец, необходимо кратко сказать о продолжении символического богословия Дионисия у Максима Исповедника. В «Мистагогии» преп. Максим [8] развивает эту линию, раскрывая символизм Церкви и Божественной Литургии. В начальных главах данного произведения предлагаются различные аспекты этого символизма, а также символизма отношений Бога и мира.

Церковь обладает по подражанию и подобию, таким же действием, как и Бог [8, с. 157]. Другой важный момент касается Бога и Его творения. Преп. Максим пишет: «Бог..., сотворивший и приведший в бытие всяческая Своей беспредельной силой, связывает, сочетает, и ограничивает все, умопостигаемое и чувственное, промыслительно соединяя одно с другим и с Самим Собой» [8, с. 157]. При этом Бог, будучи и Началом и Причиной всего, соединяет и удерживает в единстве вещи не только схожей, но и противоположной природы. Церковь, будучи образом Пробраза, действует точно так же: соединяет Духом разных по языку, нравам, обычаям, возрасту и другим характеристикам людей в одно целое.

Другое важное символическое измерение Церкви – она есть образ космоса, состоящего из видимых и невидимых сущих. Если смотреть на

Церковь как на здание, храм уподобляется чувственному плотскому миру, тогда как алтарь – миру умопостигаемому, который состоит из умных и бесплотных сущностей. Храм – это алтарь в возможности, он становится действительным алтарем в высшей точке священнодействия, алтарь же – это всегда храм в своей актуальности [8, с. 159]. Для преп. Максима Исповедника важен момент единения чувственного и умопостигаемого: ведь космос един. И эти два мира, «неслиянно чередуясь» тождественны и самим себе и друг другу, они могут входить друг в друга, подобно «колесу в колесе» из Иезекииля [8, с. 159-160]. «Для обладающих [духовным] зрением весь умопостигаемый мир представляется таинственно отпечатленным во всем чувственном мире посредством символических образов. А весь чувственный мир при духовном умозрении представляется содержащимся во всем умопостигаемом мире, познаваясь [там] благодаря своим логосам. Ибо чувственный мир существует в умопостигаемом посредством своих логосов, а умопостигаемый в чувственном – посредством своих отпечатлений» [8, с. 159-160].

Наконец, еще одно важное символическое измерение Церкви у преп. Максима: она уподобляется человеку, где алтарь символизирует душу, божественный жертвенник – ум, а храм – тело [8, с. 160]. Таким образом, Церковь и происходящее в ней священнодействие имеет богословское, космологическое и антропологическое измерения. А само понимание символа преп. Максимом во многом продолжает линию Дионисия. Однако между двумя богословами существует и различие в понимании природы символа и символизма богослужения, на которые указал, в частности, В.М. Живов [18]. По его мнению, учение Максима отличается от оказавшего на него воздействия Дионисия следующими моментами: христоцентризмом, историзмом,

эсхатологизмом и утверждением, что происходящее в литургии обожение происходит реально. Если взять первый момент, то для Дионисия соединение со Христом носит символический, образный характер. Тогда как для преп. Максима – оно реально, верующий достигает не созерцания умопостигаемого, но приобщения к Самому Христу [18, с. 111]. Живов здесь ссылается на отрывок из «Церковной иерархии» (III, 3, 9: 437С), где о Св. Дарах говорится как о «чтимых символах» (Живов переводит *tà σεβάσμασιν ὁμολογὰ* как «честные символы»): «И пойми это священно, – что, когда чтимые символы, посредством которых Христос обозначается и приобщается (*δι' ὧν ὁ Χριστός σημναίνεται καὶ μετέχεται*), бывают положены на божественный жертвенник, тут же на небольшом расстоянии находится список святых, что показывает нераздельно сопряженное их сверхмирное и священное единство с Ним» [6, с. 344]. Действительно, этот отрывок можно понять так, что Тело и Кровь Христовы – лишь символы Христа. С другой стороны, здесь говорится далее о нераздельном единстве святых со Христом – а на это продолжение Живов не ссылается – и поэтому, как нам представляется, речь идет уже о реальном единстве, а не символическом. К тому же символы для Дионисия, думается, реальные «проводники» к божественному. Поэтому точка зрения В.М. Живова об «образном», «метафорическом» соединении человека с божественным (и, в частности, «образном» соединении верных со Христом) в контексте богословия Дионисия представляется спорной.

Выводы и заключение

Мы рассмотрели некоторые сюжеты проблемы понимания символа, образа, мифа в философии неоплатонизма, обращаясь прежде всего к Ямвлиху и Проклу (языческая философия), а также к Дионисию Ареопагиту и Максиму Ис-

поведнику (христианская философия). Несмотря на то, что названные авторы принадлежат разным, можно сказать, противоположным религиозным традициям, в контексте философии они во многом развивают одну линию понимания, согласно которой символ следует отнести, в свете деления Платона, к знакам по природе, а не по установлению. Символ/синфема, а также миф делают возможным общение двух основных уровней действительности – чувственной и умопостигаемой, человеческой и божественной. Символы выступают здесь как своего рода «проводники», «переходники» между этими уровнями. Символы/синфемы – то, через что боги присутствуют в вещах,

а вещи выступают частью божественного. Для того чтобы символы начали «работать», нужно, с точки зрения неоплатоников, особое действо – теургия. В свете же рассмотренных христианских авторов, символы актуализируются в ходе церковных священнодействий и таинств. Прежде всего в этих практиках раскрывается одна из главных функций символа – анаagogическая, возводящая вещи-образы к прообразам, возводящая человека к божественному миру, одним словом – возводящая весь мир к Первообразу – безобразному Единому (для неоплатонизма) или приобщающая к Богу (для христианских философов).

Список литературы / References

1. Лосев А.Ф. Вещь и имя // Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 802–880.
Losev A.F. Thing and name // Being – name – space. M.: Mysl, 1993. P. 802–880. (In Russ.)
2. Ямвлих. Собр. соч. в 4 томах. Т. 2. О египетских мистериях. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2020. 352 с.
Iamblichus. Collected works in 4 volumes. Vol. 2. On the Egyptian mysteries. St. Petersburg: Publishing project "Quadrivium", 2020. 352 p. (In Russ.)
3. Прокл. Платоновская теология. СПб.: РХГИ; Летний сад, 2001. 624 с.
Proclus. Platonic Theology. St. Petersburg: RHI; Letniy Sad, 2001. 624 p. (In Russ.)
4. Прокл Диадокх. Комментарий к «Тимею». Книга I. М.: Изд-во «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2012. 376 с.
Proclus Diadochus. Commentary on the Timaeus. Book I. M.: Publishing house "Greco-Latin Cabinet of Yu.A. Shichalin", 2012. 376 p. (In Russ.)
5. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии // Корпус сочинений с приложением толкований преп. Максима Исповедника. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 34–120.
Dionysius the Areopagite. On the Celestial Hierarchy // Corpus of Works with Appendix of Interpretations of St. Maximus the Confessor. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2006. P. 34–120. (In Russ.)
6. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии // Корпус сочинений с приложением толкований преп. Максима Исповедника. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 310–396.
Dionysius the Areopagite. About the Church Hierarchy // Corpus of Works with Appendix of Interpretations of St. Maximus the Confessor. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2006. P. 310–396. (In Russ.)
7. Дионисий Ареопагит. Послания // Корпус сочинений с приложением толкований преп. Максима Исповедника. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 412–460.
Dionysius the Areopagite. Messages // Corpus of Works with Appendix of Interpretations of St. Maximus the Confessor. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2006. P. 412–460. (In Russ.)
8. Максим Исповедник. Мистагогия // Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты. М.: Мартис, 1993. С. 154–184.

- Maximus the Confessor. *Mystagogy* // Maximus the Confessor. Works. Book 1. Ascetic and theological treatises. M.: Martis, 1993. P. 154–184. (In Russ.)
9. Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 613–681.
- Plato. *Cratylus* // Plato. Collected works in 4 volumes. Vol. 1. M.: Mysl, 1990. P. 613–681. (In Russ.)
10. Петров А.В. Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистически-римский период. СПб.: Издательство РХГИ; Издательский Дом СПбГУ, 2003. 415 с.
- Petrov A. V. Phenomenon of theurgy: Interaction of pagan philosophy and religious practice in the Hellenistic-Roman period. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Chemical Institute; Publishing House of St. Petersburg State University, 2003. 415 p. (In Russ.)
11. Халдейские оракулы / Пер. и комм. А. П. Большакова // Древний Восток и античный мир: Тр. кафедры истории древ. мира. [Сб.] IV (Ист. фак. МГУ). М.: ЭкоПресс-2000, 2001. С. 140–157.
- Chaldean Oracles / Trans. and comment. A. P. Bolshakov // The Ancient East and the Classical World: Proceedings of the Department of History of the Ancient World. [Collection] IV (Historical Faculty of Moscow State University). M.: EcoPress-2000, 2001. P. 140–157. (In Russ.)
12. Петров В.В. Σύμβολα и συνθήματα в теургическом неоплатонизме Ямвлиха и Прокла // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма. М.: Круг, 2013. С. 210–225.
- Petrov V.V. Σύμβολα and συνθήματα in the theurgic Neoplatonism of Iamblichus and Proclus // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Research on the history of Platonism. M.: Krug, 2013. P. 210–225. (In Russ.)
13. Месяц С.В. Аристотелевская физика в афинской школе неоплатонизма // Философия природы и Античности в Средние века / Общ. ред. П.П. Гайдено, В.В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 274–289.
- Mesyats S.V. Aristotelian physics in the Athenian school of Neoplatonism // Philosophy of nature and Antiquity in the Middle Ages / General ed. P.P. Gaidenko, V.V. Petrov. M.: Progress-Tradition, 2000. P. 274–289. (In Russ.)
14. Порфирий. Подступы к умопостигаемому // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма. М.: Круг, 2013. С. 760–791.
- Porfiry. Approaches to the Intelligible // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Research on the history of Platonism. M.: Krug, 2013. P. 760–791. (In Russ.)
- Петров В.В. Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и в «Ареопагитском корпусе» // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма. М.: Круг, 2013. С. 264–308.
- Petrov V.V. Symbol and Sacred Action in Late Neoplatonism and in the Areopagite Corpus // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Research on the history of Platonism. M.: Krug, 2013. P. 264–308. (In Russ.)
- Louth A. Denys the Areopagite (Outstanding Christian Thinkers). London; New York: Continuum, 2002. X, 134 p.
- Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Академический проект; Парадигма, 2015. 543 с.
- Lossky V.N. Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology. M.: Academic Project; Paradigm, 2015. 543 p. (In Russ.)
- Живов В.М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // Художественный язык средневековья [сборник статей] / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1982. С. 108–127.
- Zhivov V. M. «Mystagogy» of Maximus the Confessor and the development of the Byzantine theory of the image / USSR Academy of Sciences, Scientific Council on the History of World Culture. M.: Nauka, 1982. P. 108–127. (In Russ.)

Информация об авторах

Авдошин Георгий Валерьевич, д. филос. наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, Институт цифровых технологий и экономики, профессор кафедры философии и медиакоммуникации.

Модин Руслан Викторович (Иеромонах Роман (Модин)), аспирант кафедры социальной философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, e-mail: rmodin89@gmail.com

Information about author

Avdoshin Georgy Valerievich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University, Institute of Digital Technologies and Economics, Department of Philosophy and Media Communications, ORCID ID0000-0001-6939-8596, e-mail: avdoshing@gmail.com

Modin Ruslan Viktorovich (Hieromonk Roman (Modin)), graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy, e-mail: rmodin89@gmail.com

Поступила в редакцию 12.08.2025; принята к публикации 15.09.2025.

Received 12.08.2025; accepted 15.09.2025.

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.39-45>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Смысл жизни и заполнение недостатков в системе ценностей

Агапов И.О.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье в контексте социальной философии исследуется проблема индивидуальных различий в восприятии смысла жизни. Мы анализируем дискурс смысла жизни в современной философской литературе, идентифицируем примерную структуру этого дискурса и причины разногласий между авторами. Выявляется малоисследованная на данный момент проблема различий субъективного восприятия смысла жизни. Мы подходим к этой проблеме с точки зрения выявления источников смысла и связанных с ними ценностей.

Выдвигается гипотеза о том, что источники смысла жизни оцениваются выше и позитивнее, когда они связаны с воспринимаемыми человеком недостатками в своей системе ценностей. Приводятся примеры использования обнаруживаемых в рекламе, идеологии, религиозных нарративах образов жизни, заполняющих недостатки некоторых из систем ценностей и, соответственно, более наполненных смыслом. Также высказаны первичные предположения о том, что закрываемые недостатки в образе жизни, наполненной большим смыслом, должны представляться смутно, чтобы этот образ воспринимался как обладающий особой значимостью и не попадавший в сферу заурядного.

Ключевые слова: смысл жизни, система ценностей, недостаток

Для цитирования: Агапов И.О. Смысл жизни и заполнение недостатков в системе ценностей. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)):39–45.

Meaning of life: filling gaps in value systems

Agapov I.O.

Kazan Federal University, 420008, Russia

Abstract. The article examines the problem of individual differences in the perception of the meaning of life in the context of social philosophy. We analyze the discourse on the meaning of life in modern philosophical literature, identify the approximate structure of this discourse and the reasons for disagreements between the authors. The article reveals the problem of differences in the subjective perception of the meaning of life, which is currently poorly

understood. We approach this problem from the perspective of identifying the sources of meaning and the values associated with them.

It is assumed that the sources of meaning in life are evaluated higher and more positively when they are associated with perceived flaws in a person's value system. Examples of lifestyle use can be found in advertising, ideology, and religious narratives that to compensate for the deficiencies of some value systems and are therefore more significant. It also makes preliminary assumptions that perceived flaws in a lifestyle filled with great meaning should be presented vaguely so that this image is perceived as having special significance and does not fall into the realm of everyday life.

Keywords: meaning of life, value system, lack

For citation: Agapov I.O. Meaning of life: filling gaps in value systems. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):39–45. (In Russ.)

Введение

В данной статье мы обращаемся к задаче объяснения причин различий в восприятии смысла жизни разными людьми и связываем эти причины с неполнотой (незавершенностью) их систем ценностей.

Начнем с контекста нашего исследования. По теме смысла жизни есть множество концептуальных исследований (Т. Мец, И. Ландау, Дж. Сикрис и др.), но на наш взгляд, не хватает объяснения различий в значимости разных источников смысла для человека [1]. Причем часто мы можем говорить о смысле сравнительно, количественно, т.е. определять, в чем больше или меньше смысла. Важно ответить на вопрос: при каких условиях для нас определенные планы жизни/действия/проекты/роли/... обладают большим или меньшим смыслом? В данной статье мы рассмотрим пути ответа на этот вопрос и обратим внимание на значение неполноты системы ценностей для формирования содержания смысла жизни. Для этого мы последовательно обратимся к общему описанию дискурса смысла жизни в философии, обозначим границы философского и нефилософского решения проблемы, предложим одно из возможных философских решений.

1. Дискурс смысла жизни

Итак, начнем с обобщенного представления о том, что из себя представ-

ляет смысл жизни. По большей части дискурс о смысле жизни предполагает следующую структуру. 1) Объяснение, что автор понимает под смыслом жизни, в основном опирающееся на интуитивное использование естественного языка. Например, еще у Дж. Уиздома можно найти примеры ситуаций, где могут быть предложения вроде «What's the meaning of this?» [2, p. 194]. Обращения к языку можно найти у многих современных авторов аналитической традиции, например, у Т. Метца [3]. 2) Далее обычно следуют примеры и контрпримеры, объясняющие логическую и интуитивно-языковую стороны рассуждения о том, что автор считает наиболее важным для темы. 3) Наконец, делаются выводы.

Закономерная часть дискурса о смысле жизни – разногласия относительно 1) понимания и применения языка смысла, 2) применимости концепций к конкретным ситуациям, исходя из ценностей человека, принимаемой им картины мира, соображений психологического характера. Ярким примером позиции, выделяющейся в рамках разногласий по первому пункту, можно назвать статью Ч. Рэппа, который вообще считает смысл зависящим от количества интерпретаций, которые человек может дать событиям в своей жизни (Рэпп использует пример Шерлока Холмса, который в окружающих объектах находит гораздо больше смысла, чем другие люди, так

как ему эти объекты указывают на истории, профессии людей, их действия и т.п.) [4]. Это весьма необычный вариант применения языка (отметим, что идея сравнительного количества смысла сейчас является очень распространенной, так как очень сильна интерпретация смысла как значимости, т.е. significance).

Для разногласий второго типа, а именно вопросов психологического плана, можно использовать пример Г. Стросона, утверждавшего, что не для всех людей важен смысл как связный нарратив жизни. Этот подход отличается от доминирующей позиции Метца [5]. Примеры разногласий относительно системы ценностей и картин мира можно увидеть в работе Метца «Бог, душа и смысл жизни», выделившего 4 позиции относительно значимости существования Бога для видения смысла жизни: он приводит разные ценностные установки по отношению к существованию или несуществованию Бога и, исходя из этих установок, говорит о разном воспринимаемом количестве смысла. В разных картинах мира и системах ценностей существование Бога (с авраамическими нарративами) может быть как позитивным, так и негативным фактором для образования смысла – для кого-то это может быть угрозой автономности человека, тогда как для сторонника объективности смысла – гарантом надежности. Причем ценности и убеждения относительно картины мира могут разниться: можно быть атеистом, который считает, что в жизни бы было больше смысла с Богом, так как связывает смысл с вечностью (с вечной жизнью за гранью возможностей мирской истории) [6].

Все типы разногласий сопровождаются попытками создания иллюстраций, которые должны привести противников к очевидности.

Очевидность как критерий принятия идей важна из-за особой значимо-

сти субъективного характера принятия смысла, причем даже для тех, кто считает его объективным и единым для всех. Хорошим примером здесь будет В.С. Соловьев, для которого смысл «должен быть понят и усвоен самим человеком, его верою, разумом и опытом» [7, с. 92].

Итак, мы упираемся в проблему «субъективного» принятия разных смыслов. Это проблема мета-уровня: почему вообще возможно, что одному нужен нарратив, а другому нет, одному триада прекрасного, благого и истинного – эталон, а другому – пустой звук. Субъективность часто пародируется, доводится до абсурда в примерах вроде «а что, если для кого-то смысл считать листья травы?» у Метца [3, р. 239, 245]. Из-за такой борьбы с релятивизмом теряется вопрос, как и почему одни образы жизни, наполненной смыслом, воспринимаются естественно, тогда как другие вызывают отторжение, и что для одного реальный образец, то для другого что-то скучное, несерьезное или даже постыдное.

2. Границы философского решения проблемы

Поскольку речь идет о философском объяснении различий в субъективном понимании смысла жизни, важно подчеркнуть, что значительная часть объяснения находится вне философии: в психологии, социологии и других науках. Вне чисто философского осмысления проблемы речь скорее бы шла о детерминированных склонностях, связанных с особенностями характера, нервной системы, социальных обстоятельств и о других факторах, из-за которых людям интересны (а если смысл трактуется как значимость (significance), то нельзя избежать рассуждений об интересе) различные стимулы, образы, виды деятельности. Существуют исследования, устанавливающие корреляции между принимаемыми человеком ценностями и его

чертами характера (что особенно интересно в силу стабильности черт характера и их сильной наследственной составляющей) [8]. Иными словами, можно представить пути объяснения субъективных различий за рамками идей произвольности предпочтений. Однако, для выводов о смысле жизни этого недостаточно, так как необходимо обнаружить множество концептуальных «мостов» между философскими и психологическими терминами и методами.

Здесь мы проводим предварительную работу для создания возможности более широких исследований, исследуя одну из философских сторон вопроса.

Кроме того, можно углубляться в изучение вкуса (то есть некоторой основы предпочтения вариантов среди альтернатив), в контексте восприятия образов, значимых для смысла жизни (в данной статье мы еще вернемся к теме образов в части 3). В психологической литературе известен вопрос о происхождении чувственных предпочтений. Есть целый ряд моделей, призванных объяснить и предсказывать, будет ли нравиться человеку тот или иной стимул (звук, цвет и т.п.), есть множество факторов восприятия того или иного стимула – повторение, степень знакомства со стимулом, черты характера, политические взгляды и т.п. [9, 10] Нечто подобное можно применить, как нам кажется, и к восприятию образов стилей жизни с точки зрения наличия в них смысла, но на данный момент надежный инструмент анализа нами найден не был, поэтому переход на междисциплинарное исследование кажется преждевременным.

Если психология, социология и другие относящиеся к исследуемому вопросу науки предполагают четкое следование сравнительно узким методологическим моделям, то философский анализ дает нам возможность говорить о паттернах индивидуальной значимости ценностей в более свобод-

ной эвристической форме, которая может показать особые стороны проблемы на концептуальном уровне.

3. Философское решение проблемы объяснения индивидуальных различий видения смысла жизни

Итак, попробуем подступить к решению проблемы через философскую рефлексию идеи жизни, которую стоило бы прожить. Откуда вообще появляются образцы таких жизней? С одной стороны, можно сослаться на социализацию, но здесь важно обращать внимание на детали, потому что разные люди принимают разные образцы, среди которых наиболее легко и одновременно более эмоционально подкрепленным путем передаются именно образы, а не «рациональные обоснования». Эти образы могут быть как процессуальными (день из жизни, минута такой жизни в рекламе, пара часов на работе родителей и т.п.), так и ориентированными на ситуации «результата» (история о/после/ недалеко от смерти – от житий святых и кратких биографий пионеров-героев до образа состарившегося бизнесмена, ученого и т.п.). Цельность и последовательность образов и связанных с ними ассоциаций разнится (и зависит от знаний субъекта), для некоторых образов есть несколько слов-ярлыков (например, домохозяйка), для других – целая поэтика (богема, интеллигент).

Подчеркнем, что субъект находится в эпистемологически туманной ситуации. Надо учитывать, что знание о своих собственных образцах жизни и предпочтениях часто неясное. Также важно понимать неоднородность и непрозрачность знания в обществе о том, какой вообще может быть жизнь человека – наш фокус формируется из узкого представления о наборах альтернатив, в условиях знаний «понаслышке». Большая часть людей делает

профессиональный выбор, не зная, каково быть тем, кем они решили стать – физиком, математиком, экономистом и т.п. Наемный работник может не понимать, как выглядит жизнь бизнесмена, бизнесмен одного уровня может плохо представлять жизнь бизнесменов другого уровня, табуированные жизненные пути могут быть еще более размытыми в представлениях непосвященных (например, каково быть преступником).

Итак, как объяснить, почему люди видят разные вещи как наполненные смыслом? Предлагаем сфокусироваться на идее недостаточности. В пределах эта недостаточность подобна описываемым К. С. Льюисом неудовлетворенности человека всем, что есть в этом мире, и поиском особой радости вне мира [11, р. 6]. При кажущейся полноте мира человеку «чего-то не хватает» (допустим, восприятие недостатка при наличии материальных средств / знаний / вклада в культуру / ...): но вместо выхода в трансценденцию, человек выходит просто за пределы привычного мира, и уже такой выход предполагает заполнение «нехватки».

На наш взгляд, одним из ключевых элементов образов и историй, связанных со смыслом жизни, является момент, когда что-то «вносит краску в жизнь», добавляет то, чего не хватало – будь то принятие новой религии, повышение дохода, переезд или изменение внешности. Именно там проявляются ценности, которые притягивают внимание и имеют особый вес.

Важно осознавать, что вся, возможно, искаженная и преувеличенная важность подобных аспектов не является ложной, даже если в фундаменте лежат «более весомые» ценности, без которых гораздо сложнее жить, т.е. необходимое, но принимаемое за должное – наличие социальных связей, значимость для других людей, базовые блага и т.п. Иначе простая социальная функциональность в состоянии ску-

ки была бы образцом смысла жизни: там есть социальная значимость, важность, вписанность в общество, однако остается идея недостатка. Итак, жизнь, наиболее интенсивно наделенная смыслом жизни – та, что смогла заполнить остаток, не закрытый данной системой ценностей (*что делает идеал такой жизни вообразимым*).

Остаток, как показывает Т. М. Шатунова, часто содержит в себе особый смысл: как остаток, выходящий за бинарные (и иные) деления, как источник развития, как нечто безосновное (экзистенциальные, моральные акты), как некоторый неожиданный результат [12]. Здесь нас интересует недостаток как нечто, что выходит за рамки системы ценностей и связанных с ней ожиданий, так как не может быть понято/дано/почувствовано и т.п. Нечто, к чему можно стремиться и на что можно ссылаться, хотя не всегда сознательно – Бог, ценности, идеалы, миссии.

Рассмотрим, как может происходить механизм заполнения пустот. Вообразимое заполнение пустот есть источник смысла, который, как правило, находится в рыночном контексте. Например, избитый феномен lifestyle брендинга и нарративной рекламы показывает, что зачастую важен сам факт заполнения недостатка в жизни, а не продажи продукта, что как бы с этим заполнением жизнь станет интереснее, «социальнее» и т.п. Здесь социальное выходит за пределы продукта как такового: к тому, что можно купить в рамках продажи самого продукта, добавляется то, что в нем самом получить нельзя. В данном случае я хотел бы провести «снижающую» параллель и поставить рекламу в один ряд с практиками, представляющимися как более аутентичные или глубинные. Реклама здесь будет первой в ряду примеров в силу очевидности действия механизма заполнения остатка. Многие крупные компании использовали образы заполнения потребностей, не связан-

ных с самим продуктом – Persi представляет жизнь в дружном сообществе (а не напиток), истории Nike предполагают возможность «найти величие», LinkedIn создает образ успешной счастливой жизни. Заранее скажу, что ироничные и критические варианты такой рекламы не отменяют игры воображения и желания. Здесь мы уже видим на примитивном уровне выход из одной плоскости ценностей, гедонистической (в которой находится, например, удовольствие от напитка), в другую, а именно в плоскость социальных потребностей.

Следующей ступенью, если идти по степени «очевидности» посылы, могли бы быть образы рабочей и активистской жизни в советском искусстве, как в кино, так и в мультфильмах. Современные государства тоже используют подобные приемы, когда, например, рекламируют военную службу. Так, например, в российских роликах можно увидеть сравнение более «бледной» обыденной жизни и яркой военной, как бы заполняющей разные пустоты – недостатка ощущения силы, маскулинности, значимости работы, и т.п. [13] Подобное можно найти и в социальной рекламе.

Особо социально выделяющиеся жизни героев (имеющих значение в науке, военном деле и т.п.) в этом культурном контексте также важны, но выполняют несколько иную функцию, так как не предлагают повторения в актуальных условиях жизни, а скорее показывают пример еще более полного заполнения бедной реальности чем-то важным, драматичным. Кроме рекламы и идеологии мы можем привести пример религии, где часто складывается нарратив обещания трансценденции, полноты бытия, как это было у уже упомянутого К.С. Льюиса. В случае признания возможности будущей трансценденции в религии мы имеем особую ситуацию незнания своих потребностей в контексте земной жизни. Например, в христианстве очень сим-

воличны известные строки «не понимаю, что делаю» (Рим., 7:15), «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор., 13:12).

Вероятно, подтверждение нашей гипотезы требует и более «тонких» примеров, но тема смысла жизни близко связана с «яркими» и вычурными дискурсами. Обещание смысла жизни, как правило, близко только религии. Тем не менее, подобное можно найти и в ожидании новой должности, романтической реализации, переезда в другую страну и т.п.

Интересно, что в большом числе случаев нет указания конкретной потребности, наоборот, к изначальной потребности добавляется какая-то новая и более размытая потребность в более полной жизни, которая может быть добавлена и к желанию сладких напитков, и к стремлениям найти работу, чувствовать себя мужчиной, и к более абстрактным нуждам. На мой взгляд, размытость этой потребности в полноте бытия имеет структурные причины: конкретность (например, план освоить профессию с реалистичными ожиданиями может быть окрашен оптимистично, но не будет обещать полноты бытия) означает встроенность в рутину, конечность, ограниченность, тогда как полнота бытия за них выходит. Конкретность ограничивает игру воображения и желания.

Возможна ли жизнь, уже актуально заполненная смыслом, в которой смысла уже хватает? Было бы слишком ограниченно отрицать такую возможность, но анализ такой жизни выходит за рамки рассматриваемых в нашей статье вопросов.

Заключение

Итак, одно из возможных философских объяснений отличий индивидуального восприятия смысла – феномен придания особой роли тому, что представляется заполняющим недостаток.

Суть структуры такова: есть заполняемая размытая потребность и образ, где она уже заполнена. Образы, содержащие в себе обещания заполнения пробела, обладают наиболее высоким потенциалом насыщения жизни смыслом. При этом если потребность и об-

раз ее заполнения очень четкие, то они попадают в ряд цель-средство и лишаются магического обещания полноты жизни, то есть нормализуются в рамках принятой системы ценностей, потенциал насыщения жизни смыслом становится ниже.

Список литературы / References

1. Metz T. The Meaning of Life // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 Edition) / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/life-meaning/>.
2. Klemke E.D., Cahn S.M. The Meaning of Life. A Reader. Oxford University Press, 2018. 260 p.
3. Metz T. Meaning in Life: An Analytic Study. Oxford University Press, 2013. 282 p.
4. Repp C. Life Meaning and Sign Meaning. *Philosophical Papers*. 2018; (47 (3)):403–427.
5. Strawson G. Narrativity and Meaning in Life // The Oxford Handbook of Meaning in Life / ed. by I. Landau. New York: Oxford University Press, 2022:74–92.
6. Metz T. God, Soul and the Meaning of Life. Cambridge University Press, 2019. 62 p.
7. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. 899 с.
Solovyov V.S. Collected works in 2 volumes. V. 1. M.: Mysl', 1988. 899 p. (In Russ.)
8. Vecchione M. The five factors of personality and personal values: An update with the refined theory. *Personality and Individual Differences*. 2023; (203). URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.112033>.
9. Montoya R.M., Horton R.S. et al. A re-examination of the mere exposure effect: The influence of repeated exposure on recognition, familiarity, and liking. *Psychological Bulletin*. 2017; (143(5)): 459–498.
10. Rentfrow P.J., Gosling S.D. The do re mi's of everyday life: The structure and personality correlates of music preferences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003; (84(6)):1236–1256
11. Lewis C.S. The Weight of Glory and Other Addresses. New York: Macmillan, 1949. 66 p.
12. Шатунова Т.М. Метафизика остатка как версия диалектики. *Личность. Культура. Общество*. 2022; (24 (3-4 (115-116))):176–187.
13. Shatunova T.M. Metaphysics of the remainder as a version of dialectics. *Personality. Culture. Society*. 2022; (24 (3-4 (115-116))):176–187.
14. Минобороны России выпустило рекламный ролик о службе по контракту. *РИА Новости*. 19.04.23 URL: <https://ria.ru/20230419/rolik-1866466571.html>.
15. The Russian Ministry of Defense has released a promotional video about contract service. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20230419/rolik-1866466571.html> (In Russ.)

Информация об авторе

Агапов Игорь Олегович, аспирант, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. ORCID ID0009-0000-1298-5386, e-mail: newpost125@yandex.ru

Information about author

Agapov Igor Olegovich, post-graduate student, assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. ORCID ID0009-0000-1298-5386, e-mail: newpost125@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.07.2025; принята к публикации 12.09.2025.
Received 07.07.2025; accepted 12.09.2025.

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.46–53>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Эпистемология интеллекта: основания разграничения естественного и машинного мышления

Воробьёв Р.Р., Краснов А.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Современная эпоха, характеризующаяся стремительным развитием науки и технологий, открывает новые горизонты в становлении принципиально онтологически небывалых феноменов, одним из которых является искусственный интеллект (ИИ). Это ставит совершенно новые вопросы перед science и философией о природе человеческого разума, поскольку традиционные трактовки самого феномена выстраивались в парадигме антропоцентрической картины мироздания, основываясь на уникальности человека, а сам антропоцентризм являлся доминирующей парадигмальной установкой в философской науке со времён Р. Декарта и И. Канта. Но условия современной реальности таковы, что классические философские синтагмы становятся стремительно устаревающими, они не в состоянии рефлексировать феномены машинного обучения, нейросетей и автономных систем, способных к имитации когнитивных функций человека. Сам факт подобного противоречия обнажает теоретический и методологический пробелы, которые требуют определённых поисков и решений, адекватных современной эпохе, где размываются классические грани не только между различными областями научного знания в пользу формирования междисциплинарных подходов, но и между человеком и машиной, что является одной из главных детерминант будущего. Выработка нового подхода должна выстраиваться на мультидисциплинарной основе, сочетающей философскую рефлексия с достижениями нейробиологии, психиатрии, кибернетики и IT-наук.

Ключевые слова: искусственный интеллект, разум, саморефлексия, автономность, философия сознания, функционализм, онтология, когнитивные технологии

Для цитирования: Воробьёв Р.Р., Краснов А.С. Эпистемология интеллекта: основания разграничения естественного и машинного мышления. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)): 46–53.

Epistemology of intelligence: methodology of distinguishing natural and machine thinking

Vorobev R.R., Krasnov A.S.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract: The modern era, characterized by the rapid development of science and technology, opens up new horizons in the development of fundamentally, ontologically unprecedented phenomena, one of which is artificial intelligence (AI). This raises completely new questions for science and philosophy about the nature of the human mind, since traditional interpretations of the phenomenon itself were built in the paradigm of the anthropocentric picture of the universe, based on the uniqueness of man, and anthropocentrism itself has been the dominant paradigmatic setting in philosophical science since the time of R. Descartes and I. Kant. But the conditions of modern reality are such that classical philosophical syntagmas are rapidly becoming obsolete dogma, they are unable to reflect the phenomena of machine learning, neural networks and autonomous systems capable of imitating human cognitive functions. The very fact of such a contradiction exposes a theoretical and methodological gap that requires certain searches and solutions that should be adequate to the modern era, where classical lines are blurring not only between different fields of scientific knowledge in favor of the formation of interdisciplinary approaches, but also between man and machine, which is one of the main determinants of the future. The development of a new methodological approach should be based on a multidisciplinary approach, which will be based on philosophical reflection synthesized with the achievements of neuroscience, psychiatry, cybernetics and IT sciences.

Keywords: artificial intelligence, mind, self-reflection, autonomy, philosophy of consciousness, functionalism, ontology, cognitive technologies

For citation: Vorobev R.R., Krasnov A.S. Epistemology of intelligence: methodology of distinguishing natural and machine thinking. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):46–53. (In Russ.)

Введение

Основной целью данной статьи является попытка переосмыслить категории «разум», «естественный интеллект» и «искусственный интеллект» сквозь призму их исторического становления, развития и отражения в духовно-практической реальности человека, а также соотнести их с современными научно-техническими реалиями и вызовами. Основным направлением является попытка преодоления редукционистских подходов, в которых интеллект отождествляется с биологическими процессами, обращением нейромедиаторов, или к алгоритмиче-

ским моделям, что не является адекватным современной реальности и достижениям науки. Философия как основа критического мышления человека должна синтезироваться с междисциплинарным анализом, дабы не превращаться в исторический артефакт, который не в состоянии предложить человечеству новых подходов и методологических оснований.

Методы

Анализ основан на философско-историческом и компаративистском методах. В качестве методологического основания используется трёхуровне-

вая модель анализа интеллекта (феноменологический, когнитивный, онтологический уровни), позволяющая рассматривать феномен ИИ в сопоставлении с историческими моделями разума. Также применяется структурно-функциональный подход для выделения базовых измерений разумности.

В Античной философской традиции разум артикулировался как абсолютный, универсальный принцип организации – из хаоса – порядок, что отражало общую логику древнегреческой картины мироздания, в которой космический порядок соотнобразовывался с исключительностью и уникальностью человеческого существа. Логос Гераклита Эфесского был основополагающим принципом мира, связующим природу и человека. Этот универсальный закон выше любого иного закона, который в «прекрасной борьбе» бесконечно разрушал и рождал новое в своей космической непостижимости. Стагирит разделял в некотором смысле интенции Гераклитовой философии, но выделял разум как высшую способность души, которая отличает человека и животное. В трактате «О душе», разум (*nous poetikos*) представляется как некое активное начало, способное, прежде всего, к абстрактному мышлению, и как следствие, к постижению первопричин бытия вещей и вечных надприродных истин [1]. Уже здесь возникает один очень важный для нас вопрос: если разум присущ бесконечному космосу, то возможно ли его воспроизвести искусственно? Представители стоической традиции, в отличие от Гераклита и Аристотеля, представляли разум не как нечто *мета*-физическое, но как материальную *пневму*, что в действительности сближает их с современными материалистическими трактовками. Интеллект для стоиков – в большей степени функция, лишённая божественной провозвестности, идея достаточно проста – природа сама по себе разумна, что во многом превос-

хитило содержание кибернетических моделей, где интеллект также является функцией, но уже глобальных самоорганизующихся систем. Средневековая философская традиция сакрализовала разум в рамках теоцентрической христианской парадигмы, которая явилась переосмыслением античного философского наследия в той части, которая могла подтверждать религиозный догмат. А. Августин заявлял, что разум – это божественный дар, с помощью которого человек приближается к постижению божественных истин [2] и, следовательно, к спасению души как главной цели христианства. Аквинат, предпринявший попытку выстроить теологию как эпистему, синтезируя христианское вероучение и аристотелизм, рассматривал разум всё больше как инструмент, который является дополнением к вере, инструмент, который может приблизиться к истинам христианства, некоторые из которых могут быть постигнуты с помощью рационального познания. В парадигмах от Августина до Аквината не могло возникнуть вопроса о возможности создания искусственного разума, ведь сам разум был неким связующим звеном между сотворённым миром и его творцом. Но эпоха позднего Средневековья принесла новые модели выражения феномена разума. У. Оккам и Дунс Скот создали прочный теоретический потенциал для дальнейшей секуляризации разума, подчёркивая его эмпирическую и логическую природу, что послужило в дальнейшем основанием для рационализма Нового времени, пришедшего на смену теоцентризму Средних веков. Сам же триумф рационализма – Эпоха Просвещения. Она показала фундаментальную пересборку всего фундамента мировоззренческого базиса, поскольку разум был единственным судьёй реальности, впервые за многие века возвысившись над истинами вероучений. Картезианское «*cogito, ergo sum*» отождестви-

ло не только разум и мышление, но и «отделило» их от материального тела, придав им статус самостоятельной субстанции – субстанции мыслящей [3]. Вместе с этим дуализм Р. Декарта поставил серьёзный вопрос о взаимодействии физического мозга и нематериального разума, который остаётся актуальным и по сей день, особенно в дискуссиях о природе и субстрате сознания. И. Кант, во многом опиравшийся на картезианское наследие, пошёл гораздо дальше, артикулировав разум как активного конструктора реальности. Сам же трансцендентальный субъект И. Канта не является пассивным наблюдателем отмеренного природой времени для наблюдения за бытием, напротив, субъект стал организатором мира через априорные категории. И эта идея предвосхитила современные когнитивные теории, где разум представляется как некоторая система для обработки информации. Но могущество разума породило его гордость, ставшую предубеждением, заключающимся в его непогрешимом и всесильном статусе, и только последующая критика смогла пошатнуть эту вековую уверенность, во многом в XX столетии представителями постмодерна.

Двадцатое столетие в истории развития воззрений на разум, сознание, интеллект и мышление можно определить как кибернетическую революцию и функционализм. Прежде всего работы Н. Винера и А. Тьюринга стали точкой опоры для становления новой эпохи. Н. Винер показал, что принципы саморегуляции применимы одинаково как к живым организмам, так и к машинам [4]. А. Тьюринг заложил фундамент эмпирического критерия разумности – тест, в котором машина должна имитировать человеческое мышление. Функционалистический подход Х. Патнэм и Д. Льюиса стал своеобразной «точкой невозврата», окончательно отделивший разум от

биологического субстрата: разум – это абстрактная программа, которую можно «запустить» на любом подходящем носителе. Это и стало путём к рождению и развитию ИИ, но это породило множество философских споров, суть которых сводилась к простому вопросу: если разум можно представить в виде функциональных вычислений в рамках математической матрицы, то что именно в таком случае делает человека уникальным существом [5]?

Исходя из вышеизложенного общетеоретического очерка о развитии взглядов на феномены разума, интеллекта и мышления, представляется, что этот вопрос не исчерпан, напротив, он актуален как никогда. Но для современной философской парадигмы важен, прежде всего, методологический инструментарий, который позволит анализировать интеллект в полном соответствии с междисциплинарным дискурсом и естественнонаучными открытиями. Мы выделяем четыре основных измерения разумности для дифференциации естественного и искусственного интеллекта, которые отражают как функциональные, так и онтологические аспекты.

Первое измерение разумности – автономность. *Естественный интеллект* не может быть лишён онтологически (на данный момент) биологического субстрата в виде мозга, тела, нервной системы, поэтому способность к автономности – самоопределению – идёт через экзистенциальный опыт, эмоции, чувства, ценностные ориентиры, моральные и этические установки [6]. Человек не просто реагирует на стимулы внешней среды в приступе слепого возбуждения разума, но прежде всего формирует смыслы, преодолевая детерминизм самой среды. Искусственный интеллект, напротив, способен действовать только в рамках заложенных алгоритмических матриц и пределов математических исчислений, это касается даже самых продвинутых

систем, но их «выбор» – это простая оптимизация параметров, которые заданы разработчиком в программном коде: беспилотный автомобиль избегает наезда на пешеходов не из этических или правовых ограничений, а из-за заложенных программным кодом ограничений и правил.

Вторым измерением является адаптивность. Естественному интеллекту присуща нейропластичность мозга, которая позволяет человеку осваивать новые навыки, получать знания из личного жизненного опыта, перестраивать мышление, восстанавливаться после травм самостоятельно. Это максимально нелинейный децентрализованный с точки зрения формальной логики процесс, где сам опыт интегрируется в субъективную, но тем не менее целостную картину мира. *Машинное обучение ИИ* адаптируется через простую обработку огромных массивов данных, к которым сам ИИ имеет доступ, но область *deep learning* всегда последовательна и максимально ограничена оператором [7]. Нейросеть, адаптированная для распознавания изображений, никогда не сможет без дополнительного обучения распознавать и анализировать звуки.

Третьим измерением является целеполагание. *Естественный интеллект*, присущий человеку, сам ставит свои собственные цели, исходя из сложного сплетения целого каскада биологических потребностей (голод, страх, безопасность), социальных амбиций (общественное признание, карьерный рост) и экзистенциальных поисков смысла жизни. Для *искусственного интеллекта* цели всегда внешне заданы, даже такие системы как AlphaGo способны оптимизировать потоки заранее заданных показателей (например, победа в конкретной игре с конкретными механиками), но сами они никогда не испытывают «желания» выиграть – это пустая абстракция, которая задана и проецируема человеком.

Для естественного интеллекта способность к метапознанию – анализу собственных мыслей, поступков, желаний, сомнения, рефлексии над самой природой познания – является источником философии, науки и искусства. Современные модели ИИ способны корректировать ошибки, например через обратное распространение в нейросетях, но они не осознают процесс. ChatGPT, генерирующий текст, никогда не «поймёт» смысла своих ответов, поскольку смысл для него – не существующая плоскость в математической матрице, он способен следовать паттернам, выявленным в данных.

Вышеназванные критерии наглядно демонстрируют, что ИИ, несмотря на существенный прогресс является лишь инструментом, лишённым субъектности. Но революционные изменения в самой сущности и конструирование новых моделей ИИ, к примеру AGI (искусственный общий интеллект), или эмоциональные ИИ, ставят перед нами иной вопрос: возможно ли, что эта граница будет стёрта? И если это произойдёт, то какое будущее ждёт человечество, которое на протяжении всего существования было онтологически одиноким [8]?

Для наиболее комплексного подхода к изучению интеллекта, необходима теоретико-методологическая матрица, в которой будут синтезированы различные перспективы анализа разума. Феноменологический уровень, где поведение создаёт видимость разума и анализируются внешние проявления интеллекта – действия, принятие решений, творческий акт, позволяет фиксировать наблюдаемые аспекты. Чат-боты, поддерживающие диалог с пользователем, или нейросеть, генерирующая стихи и рассказы, способны создавать иллюзию разумности. Но мы подходим здесь к ограничению феноменологического подхода, поскольку он не в состоянии раскрывать механизмы, которые кроются за ширмой по-

ведения. Тест А. Тьюринга, в котором машина должна обмануть человека, сфокусирован именно на феноменологическом уровне, но даже, если предположить, что машина способна успешно его пройти, это не будет являться онтологическим основанием наличия сознания, этот факт будет подчёркивать лишь способность к имитации сознания. Сами механизмы мышления раскрываются на когнитивном уровне, процессы, которые лежат в основе интеллекта. И если для человека как существа биологического характерны нейробиологические процессы, такие как синаптическая пластичность, работа префронтальной коры головного мозга, формирования памяти и т.д., то для ИИ когнитивный уровень – это алгоритмы машинного обучения, архитектура нейросетей и методы оптимизации данных. На сегодняшний день существуют нейросети, имитирующие зрительную кору головного мозга человека (CNN), они показывают, как биологические принципы могут быть трансплантированы в цифровую среду. Но машина не обладает «пониманием» изображений, которые она воспринимает, поскольку сама модель «понимания» тождественна простому логическому распознаванию паттернов, но не к субъективному восприятию содержания изображения. И здесь мы переходим к самому центральному уровню – онтологии сознания. На данном уровне важна постановка вопросов о природе сознания, его детерминантах, свободе воли и статусе искусственного субъекта, поскольку наличие ИИ проявляет последний вопрос наиболее остро. И если представлять, что ИИ когда-нибудь обретёт самосознание, то каким именно образом его возможно будет отличить от простой продвинутой симуляции сознания? И правы ли функционалисты, артикулирующие сознание как продукт сложных системных вычислений или же само сознание требует нали-

чия некой нередуцируемой субстанции, что отвечает позиции дуалистов [9]? «Китайская комната» Дж. Сёрла, критикующая идею сильного ИИ, показывает, что формальное следование правилам не может быть онтологическим основанием для возникновения субъективного понимания.

Отметим отдельно, что есть вопросы, выходящие за рамки технологической парадигмы: вопросы этических и социальных импликаций ИИ, которые лежат в плоскости ответственности за решения автономных систем и их последствий; является ли имитация сознания и мышления основанием для наделения ИИ правовым статусом; насколько может быть углублено социальное неравенство, которое вполне возможно, – те, кто контролирует ИИ, становятся новой элитой, поскольку это автоматически означает контроль над производственно значимыми технологиями и остальным обществом [10]? И философская метарефлексия здесь может оказаться единственным горизонтом, в котором могут быть найдены ответы на эти вопросы.

Результаты и обсуждение

Проведён исторический анализ эволюции понятия разума от античности до современности: от логоса Гераклита и активного интеллекта Аристотеля до дуализма Декарта и трансцендентального субъекта Канта. Прослежена линия перехода от сакрализованного разума к функционализму XX века. Выделены четыре ключевых измерения разумности: автономность, адаптивность, целеполагание и саморефлексия. Также раскрываются уровни анализа ИИ: феноменологический (видимость разумности), когнитивный (нейропроцессы vs. алгоритмы), онтологический (сознание, свобода воли, субъективность). Отмечаются философские дилеммы: возможно ли создание подлинного сознания в машине и где проходит грань между имитацией и бытием?

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что современный ИИ, несмотря на впечатляющие функциональные достижения, остается инструментом, лишённым подлинной субъектности, автономии, способности к экзистенциальному целеполаганию и саморефлексии.

Фундаментальные различия между естественным и машинным мышлением, основанные на биологическом субстрате, онтологической укоренённости и феноменологии сознания, сохраняются.

Однако стремительное развитие технологий, таких как AGI и гибридные интеллектуальные системы, актуализирует необходимость глубокого философского переосмысления этих границ. Предложенная трёхуровневая модель анализа (феноменологический, когнитивный, онтологический) и критерии разумности формируют методологический базис для такого осмысления, выходя за рамки чисто технической эффективности к антропологическим и этическим измерениям проблемы.

Заключение

Поводя итог нашим размышлениям, заметим, что будущее сейчас находится в онтологическом разрыве между философией и технологиями, который необходимо преодолевать. Прогресс технологий слеп и зачастую не учитывает не только этические нормы, но и возможные последствия от разработки, внедрения и использования технологий. Исторический анализ, проведённый нами, показывает, что понятие разума эволюционировало от космического тотального и абсолютного логоса до современных вычисли-

тельных матричных моделей. Мы стоим на пороге совершенно новой эры, где границы между естественным и искусственным интеллектом размываются, скорее мы наблюдаем создание некоего метафизического «шва», который связывает воедино, наделяя естественное искусственным, а искусственное естественным. Нейроинтерфейсы и гибридный интеллект, квантовые суперкомпьютеры – это технологии не просто существуют и во многом способны упростить человеку его повседневную жизнь, но они ставят существенно важный вопрос: что делает человека исключительным существом? Предложенные нами критерии автономности, адаптивности, целеполагания саморефлексии вкупе с трёхуровневой моделью анализа образуют инструментарий для ориентации и прокладывания дальнейшего пути в сложном и постоянно изменяющемся ландшафте современного мира. Они позволяют оценивать технологи не столько с позиции их эффективности, но по их соответствию антропологическим и этическим стандартам. Но самый фундаментальный вопрос по-прежнему остаётся открытым: что делает человека именно человеком в мире, в котором машины учатся «мыслить»? И ответ на столь глобальный вопрос, непосредственно затрагивающий не только антропологические характеристики, сколько сам дух человеческой истории, лежит не в технологиях и ИИ, а в способности человека к саморефлексии, прежде всего, к творческому порыву и эмпатии ближнему – качествам, которые остаются (на данный момент времени) исключительно «человеческими», они лежат за гранью возможностей искусственного интеллекта.

Список литературы / References

1. Аристотель Метафизика / пер. А. В. Кубицкий. М.: Издательство Юрайт, 2025. 241 с.

Aristotle. Metaphysics / trans. A. V. Kubitsky. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 241 p. (In Russ.)

2. Августин А. О граде Божием: перевод с лат. М.: АСТ, 2023. 1248 с.

Augustine A. About the City of God: translation from Latin. M.: AST, 2023. 1248 p. (In Russ.)

3. Кант И. Критика практического разума; пер. Н. М. Соколов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 177 с.

Kant I. Critique of Practical Reason; trans. N. M. Sokolov. M.: Yurait Publishing House, 2025. (In Russ.)

4. Тьюринг А.М. Может ли машина мыслить? / пер. с англ. Ю.А. Данилова. Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. 98 с.

Turing A.M. Can a Machine Think? / transl. from English by Yu.A. Danilov. Saratov: Publishing House of the State Educational and Scientific Center «College», 1999. 98 p. (In Russ.)

5. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. *Вопросы философии*. 1990; (6):98–115.

Turing A. Computing machines and intelligence. *Questions of Philosophy*. 1990; (6):98–115. (In Russ.)

6. Патнэм Х. Разум, мозг и программы. М.: Идея-Пресс, 2001. 296 с.

Putnam H. Mind, Brain, and Programs. M.: Idea-Press, 2001. 296 p. (In Russ.)

7. Льюис Д. Функционализм и природа умственных состояний // Современная западная философия. М.: Республика, 1995.

Lewis D. Functionalism and the Nature of Mental States // Modern Western Philosophy. M.: Republic, 1995. (In Russ.)

8. Сёрл Дж. Китайская комната и критика сильного ИИ. *Философские науки*. 2002; (4):87–102.

Searle, J. The Chinese Room and the Critique of Strong AI. *Philosophical Sciences*. 2002; (4):87–102. (In Russ.)

9. Декарт Р. Размышления о первой философии. СПб.: Наука, 1994. 384 с.

Descartes R. Reflections on First Philosophy. St. Petersburg: Nauka, 1994. 384 p. (In Russ.)

10. Харари Ю.Н. Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 504 с.

Harari Yu.N. Homo Deus: A Brief History of the Future. M.: Sindbad, 2018. 504 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Воробьёв Родион Романович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии, email: denny.brezhnev.2000@mail.ru

Краснов Антон Сергеевич, д. филос. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии, Author ID 57130198000; ORCID ID0000-0001-5828-901X, e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Information about authors

Vorobev Rodion Romanovich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy, email: denny.brezhnev.2000@mail.ru

Krasnov Anton Sergeevich, doctor philosophy sciences, professor, Kazan (Volga) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy, Author ID 57130198000; ORCID ID0000-0001-5828-901X, e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Поступила в редакцию 22.05.2025; принята к публикации 16.09.2025.

Received 22.05.2025; accepted 16.09.2025.

УДК 130.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.54–59>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Саморефлексия как способ существования национальной культуры

Гизатова Г.К.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп.1, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются некоторые проблемы, связанные с осмыслением природы такого сложного и многоуровневого феномена, как национально-культурная саморефлексия. Последняя представлена как система символов и значений, помогающая этносу в осмыслении своего места в мире, отражая поиск им смысла и признания. Национально-культурная саморефлексия – это важнейшая предпосылка способности взаимодействовать с представителями разных культур и понимать точки зрения других, что приобретает особую значимость в современном мире. Рефлексия помогает обществам пересмотреть и прояснить свои основные ценности, центральные для их культурной идентичности. Саморефлексия является важнейшим способом создания национально-культурных нарративов, репрезентирующих наиболее острые социальные проблемы существования этноса. Одним из решающих приемов сохранения прочности и устойчивости этнической принадлежности является нарратив прошлого, поскольку сам феномен «общих воспоминаний» является системообразующим элементом национального самосознания.

Ключевые слова: национальная культура, саморефлексия, историческая репрезентация

Для цитирования: Гизатова Г.К. Саморефлексия как способ существования национальной культуры. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)): 54–59.

Self-reflection as a way of existence of national culture

Gizatova G.K.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article reveals some problems associated with understanding the nature of such a complex and multi-level phenomenon as national-cultural self-reflection. The latter is presented as a system of symbols and meanings that helps an ethnic group to understand its place in the world, reflecting its search for meaning and recognition. National-cultural self-reflection is the most important prerequisite for the ability to interact with representatives of different cultures and understand the points of view of others, which is of particular importance in the modern world. Reflection helps societies reconsider

and clarify their core values, central to their cultural identity. Self-reflection is the most important way of creating national-cultural narratives that represent the most pressing social problems of the existence of an ethnic group. One of the decisive techniques for preserving the strength and stability of ethnicity is the narrative of the past, since the phenomenon of “common memories” itself is a system-forming element of national self-awareness.

Keywords: national culture, self-reflection, historical representation

For citation: Gizatova G.K. Self-reflection as a way of existence of national culture. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):54–59. (In Russ.)

Введение

Феномен саморефлексии является предметом междисциплинарного исследования, прежде всего, философии, психологии, этнологии, литературоведении и социологии. Выдающийся советский психолог Л.С. Выготский писал: «То же, что принято обычно называть личностью, является ни чем иным, как самосознанием человека, поведение человека становится поведением для себя, человек сам осознает себя как известное единство» [1, с. 227]. Известный британский социолог Э. Гидденс определяет саморефлексию как преднамеренное отслеживание своей деятельности с целью лучшей адаптации к меняющейся социальной среде [2, с. 186]. Британский социальный теоретик К. Бузанис предлагает «комбинаторный» подход, в рамках которого обосновывается рефлексивность как эпистемологический критерий онтологической согласованности, который предполагает, что социальные онтологии должны учитывать возможность саморефлексивной субъективности, саморефлексии, которая относится к врожденной способности человека размышлять о своей собственной активности [3, р. 125]. Он проводит различие между рефлексией и саморефлексией. Это различие видится им в следующем: «В центре дискуссии о способах и уровнях человеческой рефлексии мы сталкиваемся с проблемой того, как различать наши представления об объектах в подмире(ах), в которых мы участвуем, и саморефлексию, которая обозначает (часто критическую) об-

ективацию собственных намерений, убеждений, ценностей, образов (комплексов образов) и других ментальных состояний» [4].

Даже лишь некоторые приведенные определения отчетливо демонстрируют отсутствие единогласия, обусловленного различием методологических подходов к исследованию саморефлексивности, а также крайней сложностью данного феномена. Многие современные авторы (У. Бек, Э. Гидденс, С. Лэш) видят возникновение саморефлексии в тенденциях «рефлексивной модернизации», эпохи, в которой у людей нет альтернативы, кроме как размышлять о выборе. И это часто противопоставляется так называемым «традиционным обществам», где правилом было рутинное действие, исполнение ролей и следование правилам, вместо критического размышления о привычных диспозициях, ролях и правилах [5].

Методы

В данном исследовании использовалось несколько методов для анализа саморефлексии как способа существования национальной культуры. Эти методы позволили глубже понять, как саморефлексия влияет на формирование и развитие культурной идентичности, а также на взаимодействие между индивидуумом и обществом. Обзор теоретических источников: проведен анализ существующей литературы по темам саморефлексии, национальной культуры и культурной идентичности. Использованы работы философов, социологов и культурологов, таких как

Хосе Ортега-и-Гассет, Эдвард Саид и другие. Анализ существующих теорий: проанализированы ключевые философские и социологические теории, касающиеся саморефлексии и национальной культуры. Это включает работы таких авторов, как Э. Эриксон, Ч. Кули, Дж. Мид и других исследователей вопросов идентичности и самосознания. Проведен сравнительный анализ саморефлексии в различных национальных культурах, что позволило выявить их уникальные аспекты и общие черты, а также понять, как культурные контексты влияют на саморефлексию.

Результаты и обсуждения

Нельзя не согласиться с тем, что выбор – это имманентная черта саморефлексии. Осознание всегда включает в себя выбор того, что именно анализируется, рассмотрение различных альтернатив, а также осмысление ответственности за принятое решение. Еще одним важным моментом исследования саморефлексии является рассмотрение последней не в качестве статического состояния, но в качестве динамического процесса, включающего в себя понимание себя, самооценку, внутренний диалог с самим собой и т.д.

Существуют различные теории саморефлексии. Так, профессор Лондонской школы экономики и политических наук А. Джиллепси, акцентируя символическую природу саморефлексии, выделяет следующие группы теорий.

1. Теории саморефлексии «разрыва». В рамках этих теорий считается, что саморефлексия порождается проблемной ситуацией, столкновением с необходимостью разрешения какого-либо конфликта. Эту позицию разделяет Ж. Пиаже, хотя он не анализирует семиотические процессы, возникающие в процессе саморефлексии.

2. «Зеркальные» теории саморефлексии. В рамках этих теорий подчеркивается, что саморефлексия не

является изолированным процессом, а происходит в контексте взаимодействия с окружающим миром и другими людьми. Саморефлексия рассматривается как процесс отражения, человек как бы «смотрит в зеркало» своих внутренних процессов. «Зеркалом» служит и взаимодействие с другими людьми, что помогает критически понять себя. В той или иной степени философско-психологические положения данной теории разделяли Дж. Мид, Ч. Кули, Э. Эриксон, М. Бубер, П. Рикер, Ж. Лакан и другие.

3. Теории конфликта. В рамках данных теорий акцентируется, что внутренние и внешние конфликты могут стать важными факторами, способствующими самоанализу и самопознанию. Гегелевская теория самосознания, представленная в аллегории о господине и рабе, является парадигматическим примером этого. Теории конфликта в понимании саморефлексии чрезвычайно многообразны: их диапазон варьируется от психологических теорий (З. Фрейд), теорий когнитивного диссонанса (Л. Фестингер) до теорий социального конфликта, его влияния на индивидуальное самосознание.

4. Теории, исходящие из того, что мышление – это саморефлексивный внутренний диалог с отсутствующими другими. Идеи интериоризации отчетливо прослеживаются в работах З. Фрейда; трактовка интериоризации как «пограничного» феномена, предполагающего движение от социальных форм деятельности к индивидуальным, содержится в теориях М. Бахтина и Л. Выготского. Так, Л. Выготский писал: «Каждая высшая психическая функция была внешней, потому что она была социальной до того, как стала внутренней, строго ментальной функцией; ранее это были социальные отношения двух людей». В наши дни эту позицию развивают голландский философ и психолог Г. Херманс, американский социальный теоретик

Р. Джозефс и др., которые концептуализируют саморефлексию как возникающую в результате усвоения точки зрения другого на себя, за которой следует принятие этой точки зрения, другими словами, как итог, возникающий в процессе внутреннего диалога между усвоенными точками зрения.

5. Теории «социального акта». В рамках этих теорий подчеркивается, что самосознание формируется через взаимодействие с другими людьми, которые перемещаются между позициями в стабильной социальной или институциональной структуре. Именно такое взаимодействие является основой для саморефлексии (Дж. Мид, Ч. Кули) [6].

Очевидно, что ни одна из перечисленных групп теорий не может претендовать на абсолютную полноту в объяснении саморефлексии. Однако каждая из них выявляет в данном феномене существенные аспекты, позволяющие представить саморефлексию как сложное явление, предполагающее дальнейшее его углубленное исследование. На наш взгляд, особый интерес в современных условиях представляет анализ такого опосредованного явления, как национально-культурная саморефлексия, выводящий исследование саморефлексии на коллективный уровень и предполагающий изучение не только опыта того или иного этноса, но и его истории, культурных традиций, норм и ценностей и др.

Национально-культурная саморефлексия является отправной точкой развития этноса, создавая условия для понимания всего многообразия сложностей его существования и намечая траекторию его дальнейшей динамики.

Культурная саморефлексия – это процесс критического изучения собственной культурной идентичности, ценностей и убеждений в отношении более широких общественных норм и практик. Она побуждает людей осознавать и анализировать, как их куль-

турное происхождение формирует их взгляды и действия, часто раскрывая сложность идентичности, динамики власти и социальных проблем в сообществе [7].

Национально-культурная саморефлексия в современном многокультурном мире является важнейшим способом существования и развития этноса. Несмотря на многочисленные прогнозы исследователей процессов глобализации о наступлении эпохи «постнациональности», реальность свидетельствует не просто о том, что нации играют важнейшую роль в жизни общества, во многом определяя его культурные, социальные, политические и экономические подсистемы, но и о все возрастающей значимости национальных и межнациональных отношений в современном мире. Это проявляется, в том числе, и в том, что межнациональные противоречия не только не утрачивают свою остроту, но, более того, демонстрируют тенденцию к обострению. Осознание этого помогает глубже понять те сложные процессы, которые происходят в наши дни в мире, способствует более успешному анализу вопросов международных отношений, межнационального взаимодействия. В этой связи представляется, что саморефлексия нации является ключевым компонентом национального сознания. Она позволяет этносу адаптироваться к происходящим в мире процессам, технологическим изменениям, глобальным вызовам. Как пишет антрополог С. Тэлбот: «Ни одно сообщество не может стать по-настоящему универсальным или глобальным, кроме как культивируя свою самобытность, свои собственные ценности. Тогда потребности его все более богатой жизни подтолкнут его к соответствующему глобальному осознанию [...]». Так что дело не в том, что мы должны говорить традиционным культурам: «Оставайтесь такими, какие вы есть». Скорее, этим культурам

следует позволить развиваться в соответствии с внутренней логикой их собственных традиций, их собственной мудростью, которая, конечно же, выведет их за пределы самих себя и которая, конечно же, станет примером для подражания, путь, на который влияют контакты с остальным миром» [8].

Важнейшими способами осуществления саморефлексии нации являются когнитивные схемы, в рамках которых она развивается. Это своеобразные рамки, которые позволяют упорядочивать и интерпретировать информацию. Эти рамки определяются культурой данного народа, его языком, менталитетом, традициями, мифами, символами; эти схемы базируются, прежде всего, на опыте прошлого и во многом придают смысл пониманию, осмыслению настоящего и будущего, в определенной степени наделяя их мобилизационной привлекательностью. Для этноса ретроспективное видение своей истории является одним из ключевых элементов его национального сознания. При этом различные репрезентации нации часто имеют символический характер, позволяющий не только воссоздавать, но и конструировать историю народа. В этом смысле можно выявить разнообразное семантическое поле, порождаемое «прошлым». Этнос, в отличие от других социальных групп и общностей, это преимущественно культурно-символическая группа (Т. Парсонс). Как отмечает Э. Смит, различные исторические концепции, вызревающие в рамках национального сознания,

бывают подкреплены нарративом. В фокусе этого нарратива находится аутентичность народа, относящаяся к историческому существованию нации, преемственность, которая проявляется в сохранении национальной идентичности, а также представление о предназначении, зачастую направленное на восстановление утраченного «золотого» прошлого [9, р. 9]. При этом именно саморефлексивность, по мнению Э. Гидденса, является основным источником мощи национального сознания. В качестве важнейших факторов, влияющих на саморефлексивность, следует выделить когнитивную, психологическую, социальную и культурную детерминанты.

Выводы

Саморефлексия национальной культуры – это динамичный и непрерывный процесс. В ходе этого процесса выявляются основные проблемы, с которыми сталкивается этнос, а также коренные причины этих проблем. Именно саморефлексия позволяет пересмотреть социальный опыт и создать модели, способствующие дальнейшему росту. Можно утверждать, что саморефлексия является важнейшим фактором дальнейших значимых социальных изменений. Таким образом, саморефлексия в национальной культуре – это процесс осмысления народом своего состояния, пройденного пути, культурного наследия и траектории будущего развития. Она формирует этническое сознание общества и влияет на ход его этнокультурного развития.

Список литературы / References

1. Выготский Л. С. Педология подростка. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.

Vygotsky L.S. Pedology of a teenager. Collected works: in 6 volumes. T. 4. M.: Pedagogy, 1984. 432 p. (In Russ.)

2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.

Giddens E. The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration. M.: Academic Project Publishing House, 2003. 528 p. (In Russ.)

3. Bouzanis C. For reflexivity as an epistemic criterion of ontological coherence and virtuous social theorizing. *History of the Human Sciences*. 2017; (30 (5)):125–146.

4. Bouzanis C. On the assumption of self-reflective subjectivity. *History of the Human Sciences*. 2022; (35(2)):167–193.

5. Sullivan P. Vygotskian Dialectics and Bakhtinian Dialogics: Consciousness between the Authoritative and the Carnavalesque. *Theory & Psychology*. 2010; (20(3)):362–378.

6. Gillespie A. The social basis of self-reflection. In: *Cambridge University Press*, 2007:678–691.

7. Fiveable. Cultural self-reflection – American Literature – 1860 to Present Review. Edited by Becky Bahr, 2024. URL: // <https://library.fiveable.me/key-terms/american-literature-since-1860/cultural-self-reflection>.

8. Why not globalization? URL: <https://www.oreilly.com/people/staff/stevet/netfuture/ni/ic/ic5/global.html>.

9. Brescy I. Giving National Form to the Content of the Past. A Study of the Narrative Construction of Historical Events. *Psychology & Society*. 2008; (1 (1)):1–14.

Информация об авторе

Гизатова Гульназ Казбековна, канд. филос. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 56242662100; ORCID ID0000-0002-7997-2034, e-mail: Gulnaz.Gizatova@kpfu.ru

Information about author

Gizatova Gulnaz Kazbekovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID 56242662100; ORCID0000-0002-7997-2034, e-mail: Gulnaz.Gizatova@kpfu.ru.

Поступила в редакцию 09.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.
Received 09.07.2025; accepted 11.09.2025.

Научная статья

Research article

УДК 124.5

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.60–66>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций

Горшенин М.Л.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп.1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ феномена «русской тоски» и западного экзистенциального страха (Angst), выполненный в контексте двух концептосфер. Мотивация данного анализа обусловлена актуальностью ситуации взаимодействия европейской и традиционной русской мировоззренческой парадигмы. Рассматриваются философские интерпретации тоски российскими мыслителями, такими как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Г. Лишаев и другие, а также соответствующие анализы Angst в западной философской традиции, представленные С. Кьеркегором, М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром и другими. Показано, что оба феномена являются диффузными и аморфными, связанными с переживанием «ничто». Однако они различаются по смысловой направленности: русская тоска ориентирована на трансцендентное, тогда как западный экзистенциальный страх (Angst) направлен на осознание экзистенциального ничто. В заключении делается вывод, что несмотря на их общую экзистенциальную природу, данные состояния детерминированы историко-культурным контекстом и выступают в качестве катализаторов расширения сознания и достижения подлинного существования.

Ключевые слова: русская тоска, экзистенциальный страх, концептосфера, экзистенциальная философия, феноменология, национальный менталитет

Для цитирования: Горшенин М.Л. Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)): 60–66.

The Phenomenon of «Russian Toska» and Existential Angst: A Comparative Analysis of Conceptualizations

Gorshenin M.L.

Kazan Federal University, Kazan, Kremlevskaya str., 1, 420008, Russian Federation

Abstract. The article presents a comparative analysis of the phenomenon of Russian «toska» and Western existential fear (Angst), conducted in the context of two conceptual spheres. The motivation for this analysis is driven by the relevance of the situation of interaction between European and traditional Russian worldview paradigms. Philosophical interpretations of melancholy by Russian thinkers such as N.A. Berdyaev, I.A. Ilyin, S.G. Lishaev, and others

are considered, as well as corresponding analyses of Angst in the Western philosophical tradition, presented by S. Kierkegaard, M. Heidegger, J.-P. Sartre, and others. It is shown that both phenomena are diffuse and amorphous, related to the experience of «nothingness.» However, they differ in their semantic orientation: Russian melancholy is oriented towards the transcendent, while Western existential fear (Angst) is directed towards the awareness of existential nothingness. In conclusion, it is argued that despite their common existential nature, these states are determined by the historical and cultural context and act as catalysts for expanding consciousness and achieving authentic existence.

Keywords: russian «toska», existential fear (Angst), conceptual sphere, existential philosophy, phenomenology, national mentality

For citation: Gorshenin M.L. The Phenomenon of «Russian Toska» and Existential Angst: A Comparative Analysis of Conceptualizations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):60–66. (In Russ.)

Постановка проблемы

Проблема исследования заключается в компаративном анализе феномена «русской тоски» и западного экзистенциального страха как ключевых проявлений мировоззренческих традиций двух культурных парадигм. Данный анализ обусловлен необходимостью глубокого философского осмысления, поскольку российская реальность, с одной стороны, интегрирует европейские философские подходы, а с другой — сохраняет традиционную русскую парадигму мироощущения. В этом контексте феномен «русской тоски», который в рамках русской классической традиции долгое время не поддавался научной категоризации, требует переосмысления в свете современных трансформаций. Особое внимание будет уделено изучению того, как концепты «тоски» и «экзистенциального страха» формируют семантическое пространство культуры, представляя собой систему смыслов, через которую общество интерпретирует бытие.

Философская значимость данной проблемы заключается в том, что концепты «тоска» и «страх» играют ключевую роль в формировании фундаментальных оснований восприятия реальности. Они не только задают специфическую тональность повседневности, но и могут определять выбор ценностных ориентиров и

смысловых доминант в культуре. Как отмечено в специализированной литературе, концепты обладают рядом специфических характеристик, таких как высокая частотность, идиоматичность и сложность перевода, что подчеркивает их значимость в формировании национального мировоззрения. Основная задача исследования состоит в выявлении философских смыслов, вкладываемых в понятия «тоска» и «экзистенциальный страх», а также в анализе их различий в русской и западной традициях. Эти концепты представляют собой своеобразные «лакуны» мировосприятия, через которые человек рефлексировал над бытием. В рамках данного исследования будет продемонстрировано, как эти состояния интерпретируются различными философскими традициями и какое значение им придают мыслители, что позволит оценить их функцию в современной экзистенциальной рефлексии.

Философские трактовки тоски и страха

В отечественной философской традиции понятие тоски рассматривается как глубоко метафизическое состояние, обладающее уникальной экзистенциальной природой. Н.А. Бердяев проводит концептуальное разграничение между тоской и скукой, утверждая, что тоска направлена к высшему миру

и сопровождается ощущением незначительности эмпирического бытия [1]. Данный феномен создает экзистенциальный разрыв между субъектом и миром, отражая трансцендентные смыслы. В отличие от тоски, скука погружает личность в состояние, характеризующееся ощущением пустоты и бессмысленности существования. Бердяев отмечает, что тоска обладает религиозно-поэтической интенциональностью, представляя собой «томление по запредельному» и выражая духовный опыт отчуждения от трансцендентных реальностей [1, с. 53]. В другом своем исследовании Бердяев акцентирует внимание на национальном аспекте, подчеркивая, что поиск смысла жизни является ключевой темой русской литературы и отличительной чертой русской интеллигенции [2].

В. Ильин, развивая данную тему, подчеркивает уникальность «русской тоски», рассматривая ее как неотъемлемую черту национального характера. Он связывает данное явление с тяжестью исторической судьбы и безграничными просторами России, утверждая, что преодоление этого состояния возможно только через принятие своей судьбы и путь духовного смирения [3]. Такое понимание подчеркивает религиозно-этический контекст тоски как состояния, стимулирующего экзистенциальное преобразование личности. С. Лишаев анализирует феномен тоски через категорию Другого, определяя ее как «расположение, в котором Другой как Бытие присутствует своим отсутствием». Это означает, что тоска воспринимается как пустота и утрата целостности и определенности. Лишаев утверждает, что в состоянии тоски человек сталкивается с экзистенциальным вопросом о высшем смысле бытия, при этом мир предстает как условный и лишенный онтологической основы. Таким образом, тоска выявляется как состояние, характеризующееся ощущением предела и от-

сутствия трансцендентных смыслов. М. Эпштейн, изучая культурные образы тоски, связывает ее с восприятием пространства и времени [4]. Он описывает тоску как «бесконечную долготу пространства, ничем не заполненную», подчеркивая ее поэтическую природу как состояния души, воспринимающего внешнюю и внутреннюю пустоту. Эпштейн акцентирует субъективный опыт тоски как переживания утраты смысла и целостности бытия.

В западной философской традиции аналогичные феномены исследуются в контексте экзистенциальной философии и феноменологии страха. С. Кьеркегор проводит различие между эмпирическим страхом, имеющим конкретный объект и источник, и экзистенциальным страхом, который лишен ясного источника и связан с осознанием конечности человеческого бытия. Этот экзистенциальный страх, по мнению Кьеркегора, сопоставим с «головокружением свободы» – состоянием, когда человек, сталкиваясь с понятием ничтожности мира, испытывает полную неопределенность и раскрывает возможность подлинной свободы [5]. М. Хайдеггер развивает эту идею, утверждая, что страх «выявляет ничто». В его философии Angst представлен как фундаментальное экзистенциальное настроение, раскрывающее пустоту бытия. Страх лишает человека опоры на привычные смыслы, разрывая его связь с обыденной картиной мира. В данном контексте экзистенциальный страх рассматривается не как пагубное состояние, а как ключ к осознанию глубинной структуры существования [6].

Западные мыслители также исследуют смежные с Angst состояния – тревожность, скуку и отчаяние. М. Хайдеггер описывает глубокую скуку как «молчаливый туман» над личным бытием. Ж.-П. Сартр в своем романе «Тошнота» демонстрирует, что осознание пустоты повседневного существо-

вания («тошнота» от самодовлеющей реальности) приводит героя к экзистенциальному кризису и побуждает его искать подлинный смысл жизни [7]. Сартр прямо связывает возникновение тоски с осознанием бессмысленности прежних ценностей. С. Кьеркегор отмечает, что в данном контексте тоска становится «эмоциональной подосновой экзистенции»: тот, кто испытывает лишь эмпирические заботы, знает их причину, тогда как «причину тоски сказать нельзя» [8]. Таким образом, тоска выступает как более глубокая, немотивированная форма страдания, сопоставимая по масштабу с Angst и глубокой скукой.

Философская интерпретация понятий в контексте экзистенциальной рефлексии

В экзистенциальной философии и феноменологии страх и тоска рассматриваются как фундаментальные состояния, которые субъект переживает на пути к постижению истинной структуры бытия. Экзистенциальный страх, часто обозначаемый термином «Angst», представляет собой уникальный феномен, связанный с опытом встречи с «ничто». Это состояние вызывает у субъекта чувство необъяснимой тревожности, которое не поддается рациональному осмыслению. Столкновение с «ничто» является ключевым моментом, позволяющим субъекту выйти за пределы обыденного мира и осознать свою свободу. Кьеркегор отмечает, что именно страх вызывает «головокружение свободы», выводя индивида к вопросу о его собственной сущности. Ясперс, в свою очередь, называет страх «опорой в бесконечном», подчеркивая, что только через глубокое переживание тревоги человек может достичь истинной экзистенции [9].

Тоска как еще одно важное экзистенциальное понятие также приобретает философское значение. Это ирра-

циональное состояние ставит субъекта перед лицом «ничто» и проявляется через внутренние переживания. В состоянии тоски человек ощущает присутствие «дремлющего страха», который сохраняется даже в моменты временного утешения. Тоска является переживанием «дистантности» по отношению к другому миру и собственной экзистенциальной изоляции. Лишаев утверждает, что тоска проявляется как присутствие Другого в виде пустоты, в которой реальность утрачивает свою обязательность и становится «условной». Анализируя литературные примеры Сартра, можно увидеть, что тоска или «тошнота повседневности», сигнализирует о признании утраты мира и прежних смыслов. В этом контексте тоска не ослабляет способность к пониманию, но разрушает связи между смыслами, делая вещи «условными» и «ненужными». Субъект в состоянии тоски «как бы не живет», но сохраняет способность к восприятию.

Страх и тоска объединяются своей способностью «разверзнуть» бытие, разрушая поверхностные ценности и создавая возможность для прозрения. Страх окутывает привычную реальность «серым туманом» равнодушия, и только осознание этого пустого пространства позволяет субъекту почувствовать глубинные связи с «Другим» или с «ничто». Аналогично тоска выводит сознание за рамки обыденного, направляя субъекта к трансцендентному. Философы подчеркивают, что переживание этих состояний представляет собой «разверзание бытия», включающее как страдание, так и озарение. Эти феномены становятся ключом к переосмыслению себя и мира, представляя собой болезненный процесс, в ходе которого стираются поверхностные аспекты реальности, и индивид сталкивается с феноменом «ничто». Именно в этом контакте обретает свой смысл подлинная экзистенция: отказ от иллюзии целесообразности жизни

и осознание вечного вопроса «для чего все это?» открывают новые горизонты самопознания и свободы.

Русская и западная концептуализация тоски и страха: общее и различное

Оба феномена пронизывают все аспекты человеческого бытия, что затрудняет их формализацию и точное определение. В повседневном дискурсе часто наблюдается контаминация понятий «экзистенциальный страх» и «тоска», которые рассматриваются как взаимосвязанные экзистенциальные категории, способные выступать и в качестве причин, и в качестве следствий кризисных состояний. Оба эти феномена являются исключительно человеческими переживаниями, не имеющими аналогов в мире животных, где присутствует лишь эмпирический страх. Именно поэтому они стали центральными темами в философии экзистенциализма, обозначая ключевые точки кризиса человеческого существования. Оба состояния могут служить катализаторами для «раскрытия» сущности бытия и достижения катарсиса, представляя собой важные философские категории, способствующие осмыслению глубинных аспектов человеческого существования.

Русская тоска характеризуется тесной связью с ощущением пространства. В условиях избыточности или пустоты пространства россияне склонны к экзистенциальному бегству. Западный экзистенциальный страх (Angst) фокусируется на категории времени, представляя собой страх перед неизбежной конечностью существования. В компактных европейских странах историческое течение времени и его осознание более значимы, в то время как для России характерен пространственно-временной релятивизм, обусловленный монотонностью ландшафта и ощущением «остановки времени».

Тоска традиционно ориентирована к трансцендентному. Согласно Н. Бердяеву, вектор тоски устремлён к высшим мирам, в то время как низший мир воспринимается как пустой и незначительный. Тоска рассматривается как метафизическая ностальгия по «другому» бытию. В противоположность этому, экзистенциальный страх ориентирован к «ничто». Angst выявляет пустоту бытия и конечность человеческого существования. Таким образом, тоска направлена на обретение трансцендентного, а страх – на постижение экзистенциального ничто.

Русская тоска прочно ассоциируется с национальным характером и исторической традицией. Философы подчеркивают её специфику для русского духа. Тоска связывается с «русским роком», бескрайними просторами и «грустной красотой» природы. Западный экзистенциальный страх рассматривается как универсальная категория, не привязанная к конкретной нации. Его развитие происходило в рамках европейской философии эпох Просвещения и XX века, акцентируя внимание на разуме и абстракции «ничто».

В русской традиции тоска долгое время носила романтико-идеалистический характер, воспринимаясь как позитивный опыт «внутреннего диалога» с высшими смыслами. Тоска становилась аксиологическим основанием в русском культурном дискурсе. В западной традиции экзистенциальный страх изначально рассматривался негативно как симптом кризисного состояния. Однако экзистенциализм «реабилитировал» страх, рассматривая его как необходимый «вызов» для достижения аутентичности. В русской парадигме тоска часто наделялась трансцендентным позитивным смыслом, в то время как страх в западной традиции выступал стимулом для осознания свободы.

Западная категория экзистенциального страха традиционно концеп-

туализируется через феноменологический и аналитический подходы, акцентируя внимание на конечности и ничто. Русская тоска чаще описывается в литературно-религиозно-метафизических терминах. Философы, такие как Н. Бердяев, И. Ильин и С. Лишаев, анализируют её через христианские или онтологические мотивы. Например, С. Лишаев определяет тоску как состояние «Другого, присутствующего своим отсутствием», подчёркивая её поэтический и духовный характер [10].

Несмотря на общую экзистенциальную природу, русская тоска и западный экзистенциальный страх представляют собой различные феномены на философском уровне. Западный Angst является аналитической категорией, указывающей на отчуждение и конечность бытия в мире. Русская тоска, напротив, представляет собой культурно-специфический комплекс переживаний, ориентированных к трансцендентному и выступающих ценностно-экзистенциальным основанием в национальной традиции.

Заключение

Сравнительный анализ концептов «русская тоска» и экзистенциального страха (Angst) обнаруживает их сложную природу, включающую как общие, так и уникальные характеристики. Оба феномена имеют экзистенциальную основу и играют ключевую роль в философских исследованиях, проявляясь на протяжении различных исторических периодов и культурных контекстов. Они представляют собой формы саморефлексии, определяющие фоновые состояния осознания бытия и стимулирующие креативные процессы, направленные на поиск смысла существования.

Несмотря на их аморфность и неопределённость в обывденном языке, данные концепты демонстрируют различия, обусловленные культурно-историческими факторами. «Русская тоска»

как национальный мотив, интегрированный в русскую литературу, искусство и народное сознание, несёт ценностно-позитивные коннотации. Она ориентирована на трансцендентное и переживание иной реальности, что придаёт ей романтический оттенок и связывает с поисками высшей цели. В этом контексте тоска выполняет аксиологическую функцию, являясь основой национального мироощущения.

В отличие от «русской тоски», экзистенциальный страх (Angst) представляет собой универсальную философскую категорию, разработанную западными мыслителями. Angst ориентирован на анализ отчуждения и «ничто» и первоначально воспринимался как негативное явление. Однако в рамках экзистенциализма он был переосмыслен как необходимое условие подлинного существования, что позволило ему приобрести статус аналитической категории. Таким образом, Angst выполняет рефлексивную функцию, способствуя философскому осмыслению человеческого бытия.

Оба феномена, несмотря на свои различия, проявляются на уровне индивидуального переживания. Они вызывают ощущение давления, пустоты и «тугости» пространства. Однако их смысловые векторы и акценты отличаются. Русская тоска формирует национально-специфическое мироощущение, в то время как Angst выполняет аналитическую роль в философской рефлексии. Сопоставление этих концептов позволяет выявить их амбивалентность: оба состояния, разрушая поверхностные смыслы, открывают новые перспективы бытия, способствуя катарсису и аутентификации существования.

Таким образом, «русская тоска» предстаёт как интегральный элемент национальной концептосферы, насыщенный метафизическим духом русского народа. Экзистенциальный страх, напротив, является универсаль-

ной категорией философской мысли. Сравнительный анализ этих концептов позволяет глубже понять, как культурные парадигмы формируют восприятие пустоты и стремления человека, демонстрируя, что страх и тоска остаются вечными вопросами человеческой экзистенции.

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 397 с.
Berdyaev N. A. Self-Knowledge. M.: EKSMO-Press, 1999. 397 p. (in Russ.)
2. Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1907. С. 152–190.
Berdyaev N.A. Sub specie aeternitatis. Philosophical, social, and literary essays. – St. Petersburg: M.V. Pirozhkov Publishing House, 1907. Pp.152 –190. (in Russ.)
3. Ильин В. Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997. С. 77–93.
Ilyin V. Essays on Russian Culture. St. Petersburg: Acropolis, 1997. Pp. 77–93. (in Russ.)
4. Эпштейн М. Все эссе: в 2-х т. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 1. 535 с.
Epstein M. All Essays: in 2 vols. Yekaterinburg: U-Factoria, 2005. Vol. 1. 535 p. (in Russ.)
5. Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2012. 217 с.

Информация об авторе

Горшенин Максим Леонидович, аспирант, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии. ORCID0009-0007-8753-6447, e-mail: gorsheninmaxim@gmail.ru

Kierkegaard S. The Concept of Anxiety. M.: Academic Project, 2012. 217 p. (in Russ.)

6. Хайдеггер М. Бытие и время: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Heidegger M. Being and Time: Articles and Speeches. M.: Republic, 1993. 447 p. (in Russ.)

7. Сартр Ж.П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 7–216.

Sartre J.P. Nausea: Novel; The Wall: Novellas. M.: ООО «AST Publishing House», 2000. Pp. 7–216. (in Russ.)

8. Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.

Kierkegaard S. Fear and Trembling / Trans. from Danish. M.: Republic, 1993. 383 p. (in Russ.)

9. Петропавловская М.А. Экзистенция как решение моральной проблемы выбора способа бытия в философии Карла Ясперса. *Дискурсы этики*. 2023; (4):35–54.

Petropavlovskaya M. A. Existence as a Solution to the Moral Problem of Choosing a Way of Being in Karl Jaspers' Philosophy. *Discourse of Ethics*. 2023. 2023; (4):35–54. (in Russ.)

10. Лишаев С.А. Эстетика другого. Эстетическое расположение и деятельность. СПб.: Алетея, 2012. 256 с.

Lishaev S. A. Aesthetics of the Other. Aesthetic disposition and activity. St. Petersburg: Aletheia, 2012. 256 p. (in Russ.)

Information about author

Gorshenin Maxim Leonidovich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy. ORCID 0009-0007-8753-6447, e-mail: gorsheninmaxim@gmail.ru.

Поступила в редакцию 02.08.2025; принята к публикации 11.09.2025.
Received 02.08.2025; accepted 11.09.2025.

УДК 1.168.53

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.67-72>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Формирование современного научного поля: опыт синтетической биологии в контексте социологии ожиданий

Лагутин М.В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация: В статье предпринимается попытка осмысления процесса формирования современного научно-исследовательского поля на примере синтетической биологии. Автор фокусируется на практиках современных ученых по оформлению новых исследовательских полей, с целью обнаружить паттерн их формирования. В статье демонстрируется современная практика, способствующая возникновению новых исследовательских полей, представляющая из себя конструирование желаемого образа будущего. В качестве теоретико-методологической основы статьи используются концепты «социологии ожиданий» и «текстуальности» немецкого социолога Клеменса Блюмеля, а также концепт «перформативности» датского социолога Мэдса Борупа. Автор статьи не только эксплицирует актуальность концепции «социологии ожиданий» в условиях современной науки, но и обнаруживает ее эпистемологические границы на примере синтетической биологии.

Ключевые слова: научно-исследовательские поля, синтетическая биология, социология ожиданий, эпистемология, философия науки

Для цитирования: Лагутин М.В. Формирование современного научного поля: опыт синтетической биологии в контексте социологии ожиданий. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)):67–72.

Formation of the modern scientific field: the experience of synthetic biology in the context of the sociology of expectations

Lagutin M.V.

Kazan Federal University, 420008, Russia

Abstract. The article attempts to conceptualize the process of forming a modern research field, using the example of synthetic biology. The author focuses on the practices of contemporary scientists in shaping new research fields, aiming to identify patterns of their formation. The article demonstrates modern practices that contribute to the emergence of new research fields, which consist of constructing a desired vision of the future. The theoretical and methodological foundation of the article relies on the concepts of the "sociology of expectations"

and "textuality" by German sociologist Clemens Blümel, as well as the concept of "performativity" by Danish sociologist Mads Borup. The author not only explicates the relevance of the "sociology of expectations" concept in the context of modern science but also identifies its epistemological boundaries using the example of synthetic biology.

Keywords: research fields, synthetic biology, sociology of expectations, epistemology, philosophy of science

For citation: Lagutin M.V. Formation of the modern scientific field: the experience of synthetic biology in the context of the sociology of expectations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):67–72. (In Russ.)

Введение

В русскоязычном исследовательском поле широко распространен нарратив междисциплинарных и трансдисциплинарных взаимодействий научно-исследовательских полей. Мы можем наблюдать высокую заинтересованность в подобных философских и социологических исследовательских публикациях, особенно с технаучным уклоном [1, с. 1]. Такая активность не без оснований может быть связана с публикацией отчета председателя комитета по нанотехнологиям Национального совета США по науке и технологиям Михаила Роко и социолога Уильяма Синса Бейнбриджа в 2002 году, после которого средства массовой информации и ученое сообщество стали активнее обращать внимание исследователей и прочих слушателей на исследовательские области на стыке инженерии и науки [2]. С 2002 года в научном поле активно формируется идея нового формата науки – технонауки. Это событие сейчас известно как NBIC конвергенция, представляющее собой слияние и трансдисциплинарное взаимодействие nano-bio-info-cogno отраслей наук. Однако на момент публикации отчета и в ближайшие 10 лет реальных причин для такого слияния или конвергенции не существовало, на что указывает немецкий философ химии Иоахим Шуммер [3]. Однако это не помешало появлению первых исследований, темы которых зачастую ориентировались на этические последствия конвергенции или представляли со-

бой футуристичные видения глубокого внедрения новых технологий в повседневную жизнь. Среди первых исследований, обративших внимание на несоответствие этих прогнозов ученых реальности, были работы социолога Мадса Борупа, в которых он отмечает значительный дисбаланс между сомнительными ожиданиями общественности и существующими наработками науки [4].

Социология ожиданий: формирование контекста

В исследовании немецкого социолога Клеменса Блюмеля [5], специализирующемся на социальных аспектах развития науки и технологий, мы можем наблюдать современное продолжение исследований в дискурсе социологии ожиданий. Блюмель использовал и развил концепцию социальных ожиданий и выдвинул концепцию «текстуальных арен» (textual arenas). Блюмель в своем исследовании рассматривает как, под чьим влиянием и в каком поле происходит институализация technoscientific fields (TSF) – научно-технических областей, а также subfields (подполей или школ), входящих в ее состав. Автор исследовал обзорные статьи по синтетической биологии с 2002 по 2012 года и обнаружил, что институализация за это время происходила преимущественно за счет манипуляций ожиданиями, где под манипуляциями подразумевается формирование, изменение и всяческое применение ка-

кого-либо образа будущего, в том числе TSF [5, с. 8–9].

Сами ожидания, согласно Блюмелю, это социально сконструированные образы будущего развития TSF, характерной чертой которых является их перформативность, однако уже в исследовании Борупа [4] она понимается как действенное высказывание, в частности, как возможность образов быть формирующими или исполнительными: «...поскольку они способствуют мобилизации ресурсов для научных исследований и технологий» [4, с. 286]. Иными словами, перформативность превращает ожидание в функциональный инструмент, который активно применяется для оформления и закрепления TSF и школ [5, с. 2].

Научные прогнозы, а также абстрактные утверждения для абстрактных слушателей, например, утверждения о топливном кризисе (потенциально решаемым синтетической биологией), обращенные к абстрактной мировой общественности, вне зависимости от своего обоснования, становятся самодовлеющими. Они наделяются способностью быть причиной дальнейших исследований самим фактом своего существования. Так, высказанное опасение относительно использования ископаемого топлива, а именно его влияния на окружающую среду или опасения относительно его стоимости, как указывает Блюмель, ссылаясь на исследования Кломбурга и Гонсалеса, привело к масштабным исследованиям в области микробиологического производства биотоплива путем привлечения инвестиций, первопричиной для которых стало само высказанное опасение [6; 5, с. 8].

2. Концепты ожиданий в синтетической биологии 2002–2012 годов

В свою очередь, Блюмель выделяет форму, в которой существуют эти перформативные высказывания. Этой

формой является текстуальность – помещенность ожиданий внутрь структуры обзорной статьи. Блюмель обнаруживает, что ожидания не только имплицитно содержатся в заключениях статей, как одном из самых читаемых мест статьи, но и преобразовываются со временем [5, с. 6, 9]. Статьи, разделенные Блюмелем на два периода – ранний (2002–2008) и поздний (2009–2012), отличаются конкретикой ожиданий, для более поздних статей характерна большая конкретика и умелая интеграция ожиданий. С точки зрения своей концептуальной рамки, Блюмель определяет текстовую арену как ключевую форму легитимации TSF, что аргументирует историческим закреплением школ с биоинженерным подходом. Как указывает сам Блюмель, с 2012 года направления и школы внутри синтетической биологии, отдававшие предпочтение функционально-инженерному подходу, среди которых школы создания устройств на основе ДНК (DNA-based device construction) и геномно обусловленной клеточной инженерии (genome-driven cell engineering), получили широкое признание научным сообществом их автономий и соответствующее финансирование. Иные направления и школы, такие как школа создания протоклеток (protocell creation) или школа химической биологии (chemical biology), маргинализировались или вовсе не рассматривались в дальнейшем как самостоятельные подходы, как это произошло с последней [5, с. 11].

Однако, следует заметить, что маргинализация носит исключительно социальный характер и происходит далеко не со всеми школами синтетической биологии, а исследования в таких областях не останавливаются и качество научного знания в них не определяется социальными ожиданиями. К примеру, школа создания протоклеток не останавливала свои исследования и не теряла своей научной

продуктивности с 2012 года [7]. Результаты исследований, репрезентующие школу как таковую, обособлены от каких-либо ожиданий.

Здесь следует сказать, что с точки зрения Блюмеля, успешность направления или школы будет зависеть от успешности ожиданий. Клеменс Блюмель ссылается на английскую исследовательницу Мэри Морган и утверждает, что расположенность ожиданий в конкретных частях текста статьи или их связь с определенным нарративом будет определять успешность ожиданий [8]. С нашей точки зрения, это проявление текстуальности как единственно возможной формы существования ожиданий, согласно концепции Блюмеля. Текстуальность, таким образом, это характеристика текстовых арен, так как те преимущественно представлены научными акторами, и их взаимодействия происходят исключительно посредством академической переписки – ознакомлением с трудами друг друга, которые представлены публикациями.

В свою очередь, ожидания, встроенные в структуры статьи, выполняют следующие функции: реклама (привлечение внимания и ресурсов), легитимация (способствует оформлению TSF до ее фактического существования как научной дисциплины), формирование нарратива (прописывание идеи X, которая становится доминирующей в статьях на какую-либо тему, и репрезентующей соответствующее подполе, школу или кластер, как направления в синтетической биологии), ограничитель (представленное одной школой ожидание может влиять на конкурирующие ожидания другой школы) [5, с. 6, 9, 12]. А как таковые, ожидания играют роль лишь на раннем этапе формирования TSF.

3. Теоретические границы социологии ожиданий в синтетической биологии

Следует ли из этого, что этого этапа и, соответственно, перформатив-

ных ожиданий достаточно, чтобы TSF или школы существовали? Очевидно, что нет. Поскольку синтетическая биология является наукой, для нее справедливы требования эмпиричности, объективности и методологической строгости. Из чего следует, хотя бы теоретически, что наличие ожиданий не может быть ключевым фактором к автономии TSF или школ. Хотя концепция ожиданий играет большую роль в оформлении школ на определенном этапе, эта концепция теряет свою легитимизирующую силу, когда возникает вопрос конкуренции между школами.

Иными словами, перед нами вопрос фундаментальной эпистемологической ограниченности концепции ожиданий. Как только оформление школы посредством ожиданий завершается, то есть, когда возникают характерные для оформления черты – внимание академического, и часто, институализированного сообщества и дальнейшее признание другими устоявшимися школами, возникает новое ожидание, но в этот раз принципиально не перформативное, ожидание эмпирически достоверного, объективного и проверяемого результата. Из этого следует, что начинается следующий этап формирования школы – обретение ею конечного, презентующего ее продукта. С нашей точки зрения следует заметить, что именно продукт будет более уместным термином, поскольку он отражает принципиальное внимание к конкурентоспособной эффективной вещи, готовой своим существованием закрепить автономный характер производящей ее школы и всего TSF.

Заключение

Этот разрыв, обнаруживаемый социологами и философами с 2002 года, между ожиданиями и наличествующим имеет тенденцию к преодолению, первые шаги к которому обнаруживаются после 2003 года, когда институт Крейга Вентера синтезирует

геномную ДНК бактериофага phiX174, чем частично оправдывает некоторые ожидания ученых и научных предпринимателей [9]. Однако с этих пор такие концепции как «социология ожиданий» и «перформативность» Мадса Борупа не утратили своей роли в объяснении логики формирования новых научно-исследовательских областей. Напротив, с 2012 года, как замечает Блюмель, ожидания конкретизируются – занимают самые читаемые места

научных статей и чаще обращаются к сформировавшимся научным или производственным сообществам, чем к абстрактному читателю или мировому сообществу. Однако вместе с подобной адаптацией под самые просматриваемые места статьи обнаруживаются и эпистемологические границы их действия, которые возникают с первой презентацией функционального устойчивого продукта.

Список литературы / References

1. Моисеева А.П. Феномен технонауки. *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2017; (2 (25)):45–58.
2. Moiseeva A.P. The Phenomenon of Technoscience. *Vectors of Well-Being: Economy and Society*. 2017; (2 (25)):45–58. (In Russ.)
3. Roco M.C., Bainbridge W.S. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. – Arlington, Virginia: National Science Foundation, 2002. 482 p.
4. Schummer J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: «The best way to predict the future is to create it». *Governing Future Technologies: Nanotechnology and the Rise of an Assessment Regime*. 2009; (27 (1)):57–71.
5. Borup M., Brown N., Konrad K., Van Lente H. The sociology of expectations in science and technology. *Technology Analysis & Strategic Management*. 2006; (18 (3–4)):285–298.
6. Blümel C. Ordering the past, envisioning future(s): How review articles in synthetic biology make use of heterogeneous expectations. *Futures*. 2024; (155):103302.
7. Clomburg J.M., Gonzalez R. Biofuel production in *Escherichia coli*: the role of metabolic engineering and synthetic biology. *Applied Microbiology and Biotechnology*. 2010; (86 (2)):419–434.
8. Gözen I., Köksal E. S., Pöldsalu I., Xue L., Spustova K., Pedrueza-Villalmanzo E., Ryskulov R., Meng F., Jesorka A. Protocells: Milestones and Recent Advances. *Small (Weinheim an der Bergstrasse, Germany)*. 2022; (18):1–32.
9. Morgan M.S. Narrative ordering and explanation. *Studies in History and Philosophy of Science*. 2017; (62):86–97.
10. Онищенко Г.Г., Кутырев В.В., Одинокоев Г.Н., Сафронов В.А. Синтетическая биология: риски и перспективы. *Проблемы особо опасных инфекций*. 2014; (3):5–10.
11. Onishchenko G.G., Kuttyrev V.V., Odnokov G.N., Safronov V.A. Synthetic biology: risks and prospects. *Problems of especially dangerous infections*. 2014; (3):5–10. (In Russ.)

Информация об авторе

Лагутин Марк Владимирович, аспирант, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии. ORCID 0009-0006-4195-0792, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: marq.lagutin@yandex.ru

Information about author

Lagutin Mark Vladimirovich, post-graduate student, assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy, ORCID 0009-0006-4195-0792, mail: marq.lagutin@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.08.2025; принята к публикации 20.09.2025.
Received 20.08.2025; accepted 20.09.2025.

УДК 304.9+101.9

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.73-79>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Становление личности западноевропейского революционера: социально-философский анализ

Савельева А.Б.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Автор статьи ставит вопрос генезиса типа личности революционера в западноевропейской истории и современности. В статье рассматривается становление личности революционера как одного из наиболее социально-значимых результатов развития новоевропейского социума. Исследуется путь становления западноевропейской индивидуальности как историческое условие появления личности революционера. Проводится сопоставительный анализ трех социальных типов личности – революционера, бунтаря и террориста – по критерию различия их отношения к характеру, способам, целям социальных изменений современного мира. Подчеркивается острая необходимость различения трех этих социальных типов не только в теории, но и – что важнее – в практиках динамики современных социально-политических процессов, где наряду с кардинальными изменениями идут процессы симулякризации личностных форм социальных феноменов, и псевдореволюционные формы мимикрируют под революционность. Автор приходит к выводу, что в современном обществе тип личности революционера значим и социально востребован, однако теоретически сложно диагностируем, поскольку на практике не стал пока полностью сформировавшимся субъектом социального действия.

Ключевые слова: революция, революционер, индивидуальность, личность, бунтарь, террорист

Для цитирования: Савельева А.Б. Становление личности западноевропейского революционера: социально-философский анализ. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)):73–79.

The Formation of the personality of a Western European Revolutionary: a socio-philosophical analysis

Savelyeva A.B.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract: The article raises the question of the genesis of the personality type of a revolutionary. The author of the article considers the social personality type of a revolutionary as one of the most important stages in the formation of a new European personality. The author compares the social personality types of the rebel, terrorist, and revolutionary to demonstrate the distinctive features

of the latter, as well as to determine its place in modern social processes. It is revealed that a revolutionary has different criteria for acting in the social space compared to a terrorist. The author comes to the conclusion that in modern mass society, the personality type of a revolutionary remains significant, despite attempts to identify with the personality type of a terrorist. The author comes to the conclusion that in modern society, the personality type of a revolutionary is significant and socially in demand, but theoretically it is difficult to diagnose, since in practice it has not yet become a fully formed subject of social action.

Keywords: revolution, revolutionary, individuality, personality, rebel, terrorist
For citation: Savelyeva A.B. The Formation of the personality of a Western European Revolutionary: a socio-philosophical analysis. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):73–79. (In Russ.)

Социально-философский анализ особенностей личности революционера на первый взгляд представляется темой неожиданной и, казалось бы, несвоевременной или чисто исторической. Однако это не так. Сегодня мир меняется стремительно, во всех областях жизни социума идут кардинальные перемены, и есть все основания предполагать, что эти изменения носят революционный характер. А это значит, что в таких процессах участвуют люди, готовые и способные взять на себя ответственность за результаты осуществляемых преобразований, даже если никто не называет их революционерами. Конечно, нужно понимать, что способность и готовность – не одно и то же, что отсутствие таких людей может погасить революционный характер процесса, но потенциально эта революционность возможна. Кроме того, в современном мире есть силы, которые осознанно или нет, но мимикрируют под революционность. Перевертыши осуществляются иногда незаметно для самих участников. Это связано с самой природой капитализма, которую прекрасно диагностировал Бодрийяр, показав, что сам капитализм разворачивает пространство симулякризации, создавая феномены-пузыри, которые могут конструировать мнимые формы [1]. Так, например, всем известна фраза, авторство которой сегодня сложно установить: «идущий влево приходит направо», что произошло, например,

с так называемыми новыми левыми, которые эволюционировали и превратились в современных левых либералов, радикальность которых «является в конечном счете пустым, ни к чему не обязывающим жестом» [2, с. 23], поскольку все они заняты «насаждением безопасного, безвредного, безобидного сопротивления» [2, с. 23], не создающего абсолютно никакой опасности для системы. Представители либерально-демократического лагеря сегодня с удовольствием играют левыми революционными фразами, производя новые и новые симулякры. Помимо этого, нередко *террористы* пытаются представить себя миру как революционеров-героев борьбы с косными общественными порядками и антинародными правительствами. В целом, потенциальная возможность революционных процессов натывается на сложность и неоформленность субъектов социального действия. В этих обстоятельствах анализ типа личности революционера представляется чрезвычайно актуальным.

По-видимому, в традиционных обществах становление особого типа людей, готовых своими действиями изменять мир вокруг, проходило в некотором синкретичном модусе: воин, бунтарь, реформатор – появление и развитие подобных образов осуществлялось в едином пространстве и процессе и всегда было связано с усилением индивидуального начала. Так, еще в Античности, когда человек мыслит

себя как микрокосм в большом Космосе, появляются индивидуальности: можно вспомнить Сократа, Фидию, Перикла и других, «выпадающих» из большинства, стремившихся к преобразованию, совершенствованию и развитию греческого полиса. Индивидуальности, конечно, существовали, но они были избыточны по отношению к всеобщности полиса. Эту оторванность сознает уже Платон, когда пишет «Следовательно, толпе не присуще быть философом» [3, с. 217]. Несколько больший интерес в отношении собственной индивидуальности рождается в период Римской Античности, что, например, находит проявление в появлении жанра посмертной маски, а затем и знаменитого римского портрета. Если грек работал над собой (прежде всего, над своим телом как объектом трудов и усилий), то римлянин стремился запечатлеть себя в веках таким, какой он есть. Тем не менее, подобные точки роста индивидуального начала не могли породить феномена революционера ни в период греческой, ни римской античности, исторический максимум этой эпохи – фигура реформатора (Перикл) и фигура бунтаря (Спартак). Однако бунтарь – и в Античности, и в наше время – стремится к разрешению лишь частных вопросов, например, к восстановлению нарушенных прав. Он не нацелен на изменение существующего строя, он требует лишь устранения источника притеснения лично себя и своей социальной группы. Фигура реформатора тоже весьма условна, ведь реформатор пытается провести изменения в жизнь полиса, как правило, наиболее мягким и безболезненным способом, что может вновь указывать на стремление сохранить существующий строй и порядок общества. Именно поэтому в исторический период античности появляются различные социальные типы, появляется, по выражению Л. Баткина, своеобразная форма рождения лич-

ностного начала – пред-индивидуальность, но о формировании в это время личности революционера говорить не приходится.

В Средневековье на смену античному полису, частью которого считал себя человек, приходит совершенно иное социальное образование – церковная община, без которой средневековый человек не мог мыслить собственное существование. «Вступая в число христиан и получая возможность спасения, человек вместе с тем отказывался от собственной индивидуальности» [4, с. 272] – именно так можно охарактеризовать непрямой путь становления личностного начала средневекового европейца. Даже исповедь, мир, в котором могла проявиться индивидуальность, «единственный, тотальный, ценностный мир, в котором индивид тогда смел сказать: «Я» [5, с. 75], предполагала лишь ограниченный набор возможностей самоопределения – через понятие греха, вины и т.п. Средневековье – время господства анонимности во многих видах творческой деятельности: Творцом виделся только Бог, человек же мыслился как послушный инструмент в руках Бога. У члена церковной общины не было необходимости в самовосхвалении, не было стремления к личной славе. Конечно, появляются некоторые точки роста индивидуальности новоевропейского человека, например, появление в философии категории «этовости», которая, по Дунсу Скоту, делает вещь индивидуальной, отличной от прочих вещей этого вида [6]. Или появление средневекового рассказового жанра *exemplum*, опирающегося не только на сборники примеров, имевшихся в распоряжении проповедника, но и хотя бы отчасти на индивидуальность сказителя. Тем не менее, все эти моменты были лишь исключением, а не всеобщей тенденцией: Средневековье лишь продолжает традиции античной пред-индивидуальности, порождает фигуру бунтаря,

но не революционера. Бунт и восстание, хотя и являются попытками выразить недовольство существующим порядком, однако сдерживаются еще и религиозным фактором, диктующим обязанность относиться к существующей власти как к проявлению божественной воли. Восставать против власти и правителя значит восставать против воли Бога, что, несомненно, может быть наказуемо не только в жизни земной, но и в потусторонней. Таким образом, пред-индивидуальность средневекового человека находит мало возможностей не только для выражения социального недовольства, но даже и для отстаивания собственных интересов.

Пред-индивидуальность, сформированная в Античности и Средневековье, становится основанием для формирования западноевропейской индивидуальности периода Ренессанса, наиболее полно раскрывшейся в феномене титанизма. Именно титанизм позволил человеку эпохи Возрождения создать наряду с религией, верой, церковью новую жизненную сферу – сферу секуляризованного, светского искусства. Именно оно позже будет удовлетворять духовную эстетическую потребность участников революционных событий. Нельзя не добавить к этому, что наряду с искусством развивается еще одна относительно самостоятельная область общественной жизни, в которой теперь может принимать участие значительное количество людей – политика. Искусство и политика вместе формируют человека этого периода. Наиболее ярким примером участия в художественно-эстетической и политической жизни, конечно, будут представители итальянского Возрождения, для которых особенно характерно то, что «они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в *практической борьбе*, становятся на сторону той или иной партии и бо-

рются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе» [7, с. 347]. Яркие индивидуальности сталкиваются, соревнуются и, конечно, конфликтуют между собой. Именно поэтому феномен ренессансной индивидуальности в социальной и политической философии представлен концептом «обратной стороны титанизма», о чем пишет А.Ф. Лосев в работе «Эстетика Возрождения». В этом концепте автор схватывает всю сложность и стихийность процесса индивидуализации западного европейца. «Мечтавший быть решительно освобожденным от всего объективно значащего и признававший только свои внутренние нужды и потребности» [8, с. 137], – именно так можно охарактеризовать титана Возрождения. Однако такое стремление к тотальной самореализации также не породило личности революционера, т.к. титан мог выражать общечеловеческие интересы, мог бунтовать против конкретного папы римского или произвола какого-либо другого заказчика художественного произведения. Однако даже самые главные бунтари эпохи Ренессанса никогда не ставили вопроса о какой-то серьезной замене существующей социальной реальности. Революционность Возрождения, если можно так сказать, нашла свое воплощение в искусстве.

Ситуация меняется на рубеже XVI–XVII вв., когда происходят важные культурные и религиозные трансформации. Реформация, открытие Америки, формирование городского населения Западной Европы, зарождение науки, в том числе как социального института, появление и развитие капитализма – все это становится почвой для становления западноевропейской личности. Человек становится сам себе господином [9], он стремится к самостоятельности во всех ее проявлениях, а самостоятельность рождает и ответственность не только перед самим собой, но и перед тем обществом, в ко-

тором он живет. Личность признает и осознает свою принадлежность обществу и в то же время – инаковость, нетождественность с социумом. На этом противоречии рождается несогласие с миром как он есть, стремление изменить его, поиск тех сил, солидарное действие которых могло бы осуществить эти изменения. На этом стремлении вырастает личность революционера. Однако помимо этого несогласия зарождающийся тип личности революционера был носителем и выразителем колоссального чувства ответственности перед собой и *другими*. В отличие от бунтаря революционер никогда не довольствовался лишь удовлетворением и разрешением собственной проблемы (или даже проблемы «своей» социальной группы). Личные интересы революционера перестают быть только личными, когда он понимает, что общество, в котором он существует, есть результат его выборов и действий. Личность – это активный деятель [10, с. 358], отстаивающий интересы, далеко не всегда совпадающие с его личными. Примерами первых революционеров, на наш взгляд, могут быть Лютер и Мюнцер, которые стремились отстоять новое будущее своей страны, проявляя равнодушие к судьбам соотечественников. Революционер изучает ту социальную действительность, которая складывается вокруг него, и именно этим отличается от бунтаря. В «Катехизисе революции» С. Г. Нечаева можно обнаружить следующее: «Всегда и везде он (революционер) должен *быть не то, к чему его побуждают влечения личные*, а то, что предписывает ему общий интерес революции» [11, с. 244-245]. Таким образом, революционер совмещает в себе как индивидуальные, так и общественные стремления, что отличает его не только от бунтаря, но также и от террориста.

Сегодня нередко понятия террориста, бунтаря и революционера отожд-

ествляются. Эта ошибочная (а иногда и лженамеренная) дискурсивная практика приводит к непоправимым социальным коллизиям, когда под флагом борьбы с терроризмом уничтожаются силы, способные бороться с негативными социальными явлениями (коррупция, бюрократизм, военная угроза Отечеству). С другой стороны, откровенные террористы нередко мимикрируют под борцов-революционеров. В этой связи в современных реалиях важно видеть, что революционер и террорист – принципиально разные фигуры, в первую очередь по ценностным и целевым основаниям. Террористический акт замыкается на самом себе, он не обладает никакими иными целями и задачами, кроме как вызвать чувство страха, ужаса и ненависти. Революционное же действие предполагает цель изменения общества к такому его состоянию, в котором для многих людей открывается *большой диапазон свободы и социальной справедливости*. Интересно, что в свое время В. И. Ленин, старший брат которого был, как известно, террористом-народником, осудил террористические действия народовольцев поскольку «своей *непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть*» [12, с. 315], более того, несмотря на то, что террористы имели те же стремления, что и революционеры, а именно, освобождение народа, смену политического режима, их методы и инструменты качественно отличались. Террорист оказывался в большей мере тактиком, в то время как революционер – стратегом. Решение террористами ближайших тактических задач, действительно, ничего не решало в плане продвижения к революционной цели, но их гибель все же не была напрасной. Эти люди (в отличие от большинства современных террористов) были кристально честны в своих заблуждениях и продемонстрировали ценой своей жизни тот путь, которым

нельзя было двигаться в революцию. От этих террористов принципиально отличаются сегодняшние «борцы», организующие всеми способами акты по массовому уничтожению мирного населения. Современный террор многолик. Иногда он направлен против целых государств и народов, иногда против больших групп людей, совершенно случайно оказавшихся вместе в замкнутых пространствах. Однако далеко не всегда речь идет о прямом физическом насилии или уничтожении. Се-

годня мы встречаемся с корпоративным террором, направленным против людей, мыслящих иначе, чем представители вышестоящих инстанций. Все эти ситуации заставляют думать, что диагностика феноменов революционера/бунтаря/террориста необходима, а социально-философский анализ соответствующих понятий может стать значимой дискурсивной составляющей противодействия терроризму и поддержки подлинных революционных движений.

Список литературы / References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
2. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003. 254 с.
3. Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
5. Баткин Л. М. Избранные труды. В 6 т. Т. 3. Европейский человек наедине с собой. М.: Новый хронограф, 2016. 992 с.
6. Дунс Скот И. Трактат о первоначалах. М.: Издательство Францисканцев, 2001. 182 с.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. в 30 т. Т. 20. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1961. 858 с.
8. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
9. Гвардини Р. Конец нового времени / Феномен человека. Антология. М., 1993.
10. Ильенков Э.В. Что же такое личность? / С чего начинается личность. М.: Издательство политической литературы, 1984:319–358.
11. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. 576 с.
12. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года // Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: Издательство политической литературы, 1973. 590 с.
13. Engels F. Dialectics of Nature / Marx K. and Engels F. Works in 30 volumes. Vol. 20. 2nd ed. Moscow: Political Literature Publishing House, 1961. 858 p. (In Russ.)
14. Baudrillard J. Simulacra and Simulations / trans. from French by A. Kachalov. M.: Publishing House «POSTUM», 2015. 240 p. (In Russ.)
15. Zizek S. 13 Experiments on Lenin. M.: Ad Marginem Publishing House, 2003. 254 p. (In Russ.)
16. Plato. Republic / Translated from the ancient Greek by A.N. Egunov. M.: Academicheskii proekt, 2015. 398 p. (In Russ.)
17. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. M.: Art, 1984. 350 p. (In Russ.)
18. Batkin L. M. Selected Works. In 6 volumes. Vol. 3. The European Man Alone with Himself. M.: Novyi Khronograf, 2016. 992 p. (In Russ.)
19. Duns Scotus I. Treatise on First Principles. M.: Franciscan Publishing House, 2001. 182 p. (In Russ.)
20. Engels F. Dialectics of Nature / Marx K. and Engels F. Works in 30 volumes. Vol. 20. 2nd ed. Moscow: Political Literature Publishing House, 1961. 858 p. (In Russ.)
21. Losev A. F. Aesthetics of the Renaissance. M.: Mysl, 1978. 623 p. (In Russ.)
22. Guardini R. The End of Modern Times / The Phenomenon of Man. Anthology, M., 1993. (In Russ.)
23. Ilyenkov E.V. What is personality? // Where does personality begin? M.: Political Literature Publishing House, 1984:319–358. (In Russ.)
24. Revolutionary radicalism in Russia: the nineteenth century. Documentary publication / Ed. E.L. Rudnitskaya. Moscow: Archaeographic Center, 1997. 576 p. (In Russ.)
25. Lenin V. I. Report on the 1905 Revolution // Complete Works. Vol. 30. M.: Political Literature Publishing House, 1973. 590 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Савельева Александра Борисовна, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. ORCID ID0009-0009-5006-9691, e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Information about author

Savelyeva Alexandra Borisovna, Assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. ORCID ID0009-0009-5006-9691, e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Поступила в редакцию 30.05.2025; принята к публикации 27.08.2025.
Received 30.05.2025; accepted 27.08.2025.

УДК 111:124.51:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.80–85>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Диалектика несоизмеримости: социальная форма стоимости в эпоху цифрового капитализма и критика иллюзий постопераизма

Федотов Д.Л.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Краснов А.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье осуществляется критический анализ телеологических оснований постопераистской интерпретации «Фрагмента о машинах» К. Маркса, выявляются её методологические противоречия и политически ангажированные импликации. В центре анализа – редукция марксовской теории стоимости до инструмента прогнозирования «когнитивного коммунизма», которая полностью игнорирует роль этой теории как критики социальной формы глобального капитализма. Синтез методологии «Нового прочтения Маркса» (NRM) и «Открытого марксизма» показывает, что постопераистский оптимизм в отношении кризиса измеримости труда основывается на транспонировании акцента с абстрактного труда как социального посредничества к конкретным формам «нематериального производства». В философский оборот вводится концепция «диалектики несоизмеримости», демонстрирующая, что кризис стоимости (ценности) не отменяет её форму, но лишь трансформирует инструменты и механизмы насилия, обеспечивающие перманентное и имманентное воспроизводство капитала. Новизна настоящего исследования заключается в переосмыслении роли технологии не как автономной силы, способной разрушать закон стоимости, но как элемента, обнажающего антагонизм между абстрактной мерой и конкретным содержанием труда в условиях современного цифрового капитализма.

Ключевые слова: Маркс, постопераизм, ценность, нематериальный труд, посткапитализм, фрагмент о машинах.

Для цитирования: Федотов Д.Л., Краснов А.С. Диалектика несоизмеримости: социальная форма стоимости в эпоху цифрового капитализма и критика иллюзий постопераизма. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;3(70): 80–85.

The dialectic of incommensurability: the social form of value in the era of digital capitalism and a critique of the illusions of post-operaism

Fedotov D.L., Krasnov A.S.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article presents a critical teleological analysis based on the post-operaist interpretation of the "Fragment about Machines" by K. Marx, revealing its methodological contradictions and politically engaged implications. At the center of the analysis is the reduction of Marx's theory of value to a tool for forecasting "cognitive communism", which completely ignores its role as a critic of the social form of global capitalism. The synthesis of the methodology of the "New Reading of Marx" (NRM) and "Open Marxism" shows that the post-operaist optimism regarding the crisis of the measurability of labor is based on the transposition of the emphasis from abstract labor as social mediation to concrete forms of "immaterial production". The concept of "dialectics of incommensurability" is introduced into philosophical circulation, demonstrating that the crisis of value does not cancel its form, but only transforms the tools and mechanisms of violence that ensure the permanent and immanent reproduction of capital. The novelty of this research lies in rethinking the role of technology not as an autonomous force capable of destroying the law of value, but as an element that exposes the antagonism between an abstract measure and the concrete content of work in the conditions of modern digital capitalism.

Keywords: Marx, post-operaism, value, immaterial labor, post-capitalism, fragment about machines

For citation: Fedotov D.L., Krasnov A.S. The dialectic of incommensurability: the social form of value in the era of digital capitalism and a critique of the illusions of post-operaism. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):80–85. (In Russ.)

В отечественной философской традиции марксистская мысль нередко обретала форму догмы, что негативно сказывается на всех исследованиях, методологическим фундаментом которых является диалектический и исторический материализм. Но в действительности марксова мысль не обладает определённой степенью парадоксальности. Теория стоимости, диалектически связанная с трудовой теорией, впадает в парадоксальную ситуацию, поскольку её подлинно критический потенциал подменяется чисто инструментальным прочтением, редуцирующим феномен стоимости (ценности) к количеству рабочего времени. А. Негри и М. Хардт, будучи одними из важнейших постопера-

истских теоретиков, лишь усложнили ситуацию, поскольку объявили «нематериальный труд» основанием для преодоления капиталистической экономической модели, фундируясь на том, что современный капитализм детерминирован цифровой реальностью с помощью «машин, которые напрямую целенаправленно воздействуют на умы (посредством коммуникационных систем, информационных сетей и так далее)» [1, с. 36]. Именно подобные интенции постопераистов редуцируют диалектику К. Маркса и Ф. Энгельса до простого линейного нарратива в духе постмодернистской критики, при этом полностью игнорируя саму суть мысли отцов научного коммунизма – анализ «социальной

формы стоимости» как отчуждённого посредничества. Постопераизм уходит теоретическими и методологическими конями в итальянский операизм, смещая акцентуацию с «фабрики» на «общество», трактуя марксово Grundrisse как некое религиозное пророчество об апокалипсисе и смерти закона стоимости. Во «Фрагменте о машинах» К. Маркс показывает диалектический переход к производству, где знания и машины полностью вытесняют живой труд человека, в тех формах, в которых он складывался и существовал исторически, таким образом создавая некий новый базис для «Всеобщего Интеллекта» [2, с. 142]. Постопераисты интерпретируют эту мысль К. Маркса как свидетельство имманентного кризиса капиталистической модели, где между самой стоимостью и рабочим временем образуется онтологическая пропасть и разрушается прямая диалектическая связь. Но факт, на который мы хотим обратить внимание прежде всего, – само подобное прочтение уже страдает «методологическим анахронизмом». Этот фрагмент был написан К. Марксом ещё до завершения «Капитала» и не может учитывать поздних концепций марксова учения об абстрактном труде как социальной форме, который кристаллизуется в обмене, но не в производстве [3]. В качестве полемической контрверзы NRM и «Открытый марксизм» в лице своих представителей В. Бонифельд и М. Хайнрих, акцентируют своё внимание прежде всего на том, что стоимость не является чисто экономической категорией, но, следуя логике и духу философии К. Маркса, утверждают, что стоимость – это форма социального господства. Феномен абстрактного труда, описанный К. Марксом в «Капитале» и есть то самое выражение предельного, тотального подчинения всякой жизни капиталу, он не может быть измеряемой величиной, поскольку эта величина метафизическая. Отсюда

следует вывод, что автоматизация не может отменить стоимость, но способна трансформировать способы её навязывания через дисциплинарные алгоритмы [4, с. 8], такие как прекаризация и платформенная экономика [5]. Таким образом в дискуссии рождается новое измерение: технология не способна преодолеть и элиминировать закон стоимости, но способна сделать его репрессивный потенциал и деятельность менее заметной, скрывая сущность даже от самых пытливых взоров – эксплуатация маскируется под автономию «творческого труда».

Постопераистская интерпретация и апроприация «Фрагмента о машинах» К. Маркса балансирует между утопией [6] и критикой социальной формы, поскольку строиться на двух принципиальных допущениях: технологический прогресс неотвратимо ведёт к кризису измеримости труда; когнитивный и аффективный «нематериальный труд» выходит за очерченные границы капиталистического тотального контроля порождая оксюморон – коммунизм капитала. И оба этих пункта требуют пристального рассмотрения. Сам по себе кризис измеримости не является экзотикой, поскольку капитализм всегда удерживал баланс между абстрактной мерой, выраженной в рабочем времени и конкретным содержанием труда. Цифровая форма капитализма лишь сделала это противоречие более явным и наглядным, но, тем не менее, не смогла его преодолеть или разрушить. В гиг-экономике время раскалывается на микрозадачи, а механизм контроля осуществляется с помощью рейтинговых систем, что только «реинтегрирует абстракцию» через алгоритмическое управление [7, с. 311]. И сама идея автономности и самоопределённости «нематериального труда» игнорирует, что капитализм присваивает себе не конечные результаты, продукты труда в виде конкретных товаров, капитализм апроприрует саму

способность к кооперации. Платформы Uber, Amazon, Mechanical Turk организуют «свободный труд», монетизируя прежде всего не сам труд и время, а *социальные взаимодействия*. Отсюда рождается феномен «цифрового фетишизма»: слишком притягательна иллюзия освобождения через технологии, которые лишь скрывают усиление эксплуатации, где само жизненное время есть не больше и не меньше, чем ресурс для извлечения данных, рождающих прибыль. Постопераистский тезис о реализованности «Фрагмента о машинах» основан на эклектическом смешении технологических изменений с трансформацией самой социальной формы, но сам К. Маркс в «Капитале» подчёркивал, что машина не есть антитеза капитала, напротив она есть его наиболее совершенное воплощение, подчиняющее любой труд абстрактной логике накопления и концентрации прибыли «даже облегчение труда становится средством пытки, потому что машина освобождает не рабочего от труда, а его труд от всякого содержания» [8, с. 434].

Современная капиталистическая модель зиждется на абстрактном труде, существующем в эпоху платформ, что подводит нас к концептуализации *диалектики несоизмеримости*, которая показывает, что тезис о кризисе стоимости не только не отменяет саму стоимость, но только меняет формы капиталистического насилия, обеспечивающие её воспроизводство. И если классической индустриальный и фордистский капитализм опирался прежде всего на прямую эксплуатацию рабочего времени, то цифровая модель капитализма трансформирует саму жизнь в источник прибыли, маскируя измерение под стандарты персонализации личного труда и «гибкость» рабочего графика. Жизнь становится источником стоимости, что позволяет нам взглянуть на био политику [9] под совершенно другим углом, сделав акцент на её капиталистической ангажиро-

ванности и инструментализме в отношении к человеческой жизни, которая сама по себе имеет только ту ценность, которая может быть выражена лишь в стоимости. Так, например, видеоблогеры и любые иные контент-мейкеры в социальных сетях затрачивают десятки часов на создание уникального материала, но стоимость их определяется не уникальностью и затраченным жизненным временем, а способностью сетевых алгоритмов привлекать и соответственно, извлекать внимание пользователей. Сам этот факт является подтверждением нашему тезису о том, что не может быть и речи об отмене или элиминации закона стоимости, поскольку на сегодняшний день происходит скорее его релятивизация, где абстрактный труд принимает форму участия в цифровых сетях, а насилие и диктат меры воплощается в искусственно создаваемых дефицитах – виральности и подписках.

Такой подход, как отмечает Бенджамин Нойс, ведет постопераистов к «аффирмативизму» [10], что есть не более чем религиозная вера в имманентно-позитивный характер любых социальных изменений, что непосредственно ведёт к политической пассивности не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Оды «множеству» как куматоидной спонтанной силы полностью игнорируют, что современный капитализм адаптирует любое ему сопротивление, превращая само сопротивление в собственный ресурс, как, например хештег-активизм, который перманентно поглощается средой медиаиндустрии. Альтернативой всему этому представляется *негативная диалектика* в традиции NRM [11], сфокусированная на разрыве между абстрактной формой стоимости и конкретным содержанием жизни. И в задачу входит не простое мессианское предсказание краха капитализма, но непосредственное выявление моментов, когда противоречия самой

системы впадают в неразрешимые противоречия: экологический кризис обнажает кризис бесконечного накопления с конечностью планеты, что подтверждает тезис А. Смита, а перманентная цифровизация – есть противоречие между лживыми обещаниями свободы через технологии и реальностью тотального киберконтроля.

Заключение

Таким образом, постопераистские интерпретации «Фрагмента о машинах» К. Маркса, несмотря на их широкую известность и популярность в среде как философов, так и социальных теоретиков, не лишены своих коренных недостатков, и на самом деле воспроизводят ошибки «вульгарного марксизма», который не имеет ничего общего с реальным наследием К. Маркса, ведь сама диалектика в подобных работах, сводится к простому технотерминизму. Нашей задачей было продемонстрировать, что кризис измеримости не отменяет социальную форму стоимости, но требует её коренного переосмысления в оптике «циф-

рового опосредования». Капитализм не разрушится в одночасье из-за феномена автоматизации, но обострятся многие его сущностные противоречия, принимая новые формы: алгоритмическое управление, биоэксплуатацию, экстракцию данных. Современные сторонники критической теории легко очаровались благами современного капитализма, но при этом утратили связь с реальностью, став пророками нового техноутопизма. Задача же самой критической теории видится нам неизменной – анализировать противоречия капитализма как некоторые точки приложения для радикальной практики. К. Маркс однажды заметил, что «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [12, с.119], а в эпоху цифрового капитализма эти обстоятельства включают машины, чья внутренняя логика и является новым полем борьбы с завуалированной, но тем не менее, жёсткой эксплуатацией.

Список литературы / References

1. Хардт М., Негри А. Империя. Пер. с англ. под общ. редакцией Г.В. Каменской, М.В. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Hardt M., Negri A. Empire. Moscow: Praxis, 2004. 440 p. (In Russ.)

2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. Перевод с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.

Virno P. The grammar of the plural: to the analysis of the forms of modern life. Moscow: Ad Marginem Press, 2013. 176 p. (In Russ.)

3. Heinrich M. Invaders from Marx: On the Uses of Marxian Theory, and the Difficulties of a Contemporary Reading. Left Curve 31, 2007. URL: <http://www.oekonomiekritik.de/205Invaders.htm>

4. Braverman H. Labor and monopoly capital: the degradation of work in the twentieth century. New York: Monthly Review Press, 1974. 338 p.

5. Логинова Л.В. Деинституционализация традиционно организованного труда: новая нормальность трудовых отношений. *Logos et Praxis*. 2024; (23(2)):142–152.

Loginova L.V. Deinstitutionalization of Traditionally Organized Labor: A New Normality of Labor Relations. *Logos et Praxis*. 2024; (23 (2)):142–152. (In Russ.)

6. Межуев С. По ту сторону утопии Два взгляда на постиндустриальный труд. *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2024; (34 (2 (159))):195–218.

Mezhuev S. Beyond Utopia: Two Views on Post-Industrial Labor. *Philosophical*

and Literary Journal "Logos". 2024; (34 (2 (159))):195–218. (In Russ.)

7. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии. Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

Bostrom N. Artificial intelligence: Stages. Threats Strategies. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 496 p. (In Russ.)

8. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 907 с.

Marx K., Engels F. Capital. Collected essays. 2nd ed. Vol. 23. 907 p. (In Russ.)

9. Моррис Дж. Децентрализованный корпоративизм: фиктивное родство на стыке патерналистских и неолиберальных трудовых отношений. *Социология власти*. 2025; (37 (1)):36–61.

Morris J. Decentralized corporatism: fictitious kinship at the intersection of paternalistic and neoliberal labor relations. *Sociology of Power*. 2025; (37 (1)):36–61. (In Russ.)

10. Сазонов Н. Паразитирующий джедай. *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2019; (29 (5 (132))):265–282.

Sazonov N. Parasitizing Jedi. *Philosophical and literary journal "Logos"*. 2019; (29 (5 (132))):265–282. (In Russ.)

11. Reichelt H. From the Frankfurt School to Value-Form Analysis. Thesis Eleven, 4. Helmut Reichelt, 1982. 166–169 p.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. 705 с.

Marx K., Engels F. Capital. Collected essays. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Politizdat, 1957. 705 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Федотов Дмитрий Леонидович, аспирант, ассистент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии, e-mail: dmilfedotov@kpfu.ru.

Краснов Антон Сергеевич, д. филос. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии, Author ID 57130198000; ORCID ID0000-0001-5828-901X, e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

Information about authors

Fedotov Dmitry Leonidovich, graduate student, assistant of the Department of General Philosophy, Kazan (Volga) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy, e-mail: dmilfedotov@kpfu.ru.

Krasnov Anton Sergeevich, doctor philosophy sciences, professor, Kazan (Volga) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy, Author ID 57130198000; ORCID ID0000-0001-5828-901X, e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru.

Поступила в редакцию 19.05.2025; принята к публикации 26.08.2025.
Received 19.05.2025; accepted 26.08.2025.

